

Д.И.Писарев. Ю.Сорокин

Д. И. Писарев принадлежит к числу выдающихся деятелей шестидесятых годов прошлого века - эпохи, сыгравшей важную роль в истории русской общественной жизни, в развитии науки, литературы и искусства нашей страны. В условиях острой борьбы классов, развернувшейся в эти годы, Писарев выступил как революционный демократ и материалист. Влияние его на демократическую молодежь было живым и сильным. Его произведения жадно читались, вызывали горячие споры, поражали смелостью выводов и яркостью аргументации, будили мысль.

В последующие годы имя Писарева, как и других замечательных представителей разночинского периода в русском освободительном движении, не было забыто. Пролетарские революционеры использовали лучшие страницы произведений Писарева в своей борьбе с царизмом, с капиталистическим строем, за победу социалистической революции. В воспоминаниях Н. К. Крупской сохранились свидетельства об отношении В. И. Ленина к Писареву. "Писарева, указывает она, - Владимир Ильич в свое время много читал и любил". "Меня, писала Н. К. Крупская, - пленила резкая критика крепостного уклада Писаревым, его революционная настроенность, богатство мыслей. Все это было далеко от марксизма, мысли были парадоксальны, часто очень неправильны, но нельзя было читать его спокойно. Потом в Шуше я рассказала Ильичу свои впечатления от чтения Писарева, а он мне заявил, что сам зачитывался Писаревым, расхваливая смелость его мысли. В шушенском альбоме Владимира Ильича среди карточек любимых им революционных деятелей и писателей была фотография и Писарева". {"Правда", 3 октября 1935 года.} В своих произведениях В. И. Ленин цитировал отдельные яркие высказывания Писарева.

Советские люди высоко ценят творчество этого выдающегося мыслителя и критика. В его произведениях и сейчас волнуют многие страницы, исполненные острой ненависти к темным силам реакции, полные боевого оптимизма и горячей веры в светлое будущее народа, в силы прогресса и демократии.

Короткий по времени творческий путь Писарева был сложным и во многом противоречивым. Его литературное наследие требует внимательного исторического подхода, вдумчивой объективной оценки и того, что составляет силу Писарева как мыслителя, и тех идеальных ошибок и колебаний, парадоксальных и неверных выводов, которые имеют у него место. Писарев рано начал свою публицистическую деятельность, а умер еще совсем молодым. Его взгляды на протяжении этой короткой деятельности в демократической журналистике по некоторым вопросам существенно менялись. В этих переменах отражается живой, не останавливающийся процесс развития критической мысли Писарева.

Говоря о Писареве, К. А. Тимирязев в одной из своих работ метко охарактеризовал его как критика "увлекающегося, но зато и увлекавшего". {К. А. Тимирязев, Сочинения, т. VIII, 1939, стр. 175.} Произведения Писарева отражают идеальные искания передовой мысли его эпохи и своеобразие духовной эволюции самого Писарева в сложной и бурной общественно-политической жизни России того времени.

1860-е годы вошли в историю нашей страны как годы высокого подъема демократического движения. Уже во время Крымской войны нарастает волна крестьянских выступлений против произвола помещиков. Политическое положение в стране особенно обострилось после 1855 года. Поражение царизма в Крымской войне, обнаружившее глубокий кризис феодально-крепостнического строя, невыносимый помещичий гнет, ложившийся всею своею тяжестью на плечи миллионов крестьян, и полицейский произвол, царивший в стране, - породили революционную ситуацию. В эти годы, во время подготовки и проведения "крестьянской реформы" 19 февраля 1861 года, крестьянское движение получает особенно широкий размах. Наиболее крупным было выступление крестьян во главе с Антоном Петровым в селе Бездне Казанской губернии в апреле 1861 года, жестоко подавленное царскими войсками. На 1861 год падают также серьезные выступления студентов в Петербурге и в некоторых других городах, носившие ярко выраженный демократический характер. В 1861 году возникает и развертывает свою деятельность революционная организация "Земля и воля". Составляются и распространяются прокламации, обращенные к демократической молодежи, крестьянам, солдатам и призывающие к восстанию, к сопротивлению царским властям и крепостникам-помещикам. "Колокол" Герцена и Огарева и

Д.И. Писарев. Ю. Сорокин filosoff.org
другие издания бесцензурной печати широко распространяются в России и
способствуют развитию демократического движения.

В эти годы важнейшим вопросом для революционеров-демократов является вопрос о подготовке демократической крестьянской революции, о слиянии разрозненных выступлений крестьян и демократической молодежи в общее наступление против существующего строя. К этому и готовили демократические силы общества идеиные руководители развернувшегося движения - Чернышевский и Добролюбов.

В. И. Ленин, определяя в работе "Крах II Интернационала" основные признаки революционной ситуации, указывал, что "не всякая революционная ситуация приводит к революции". {В. И. Ленин, Сочинения, т. 21, стр. 189.} Не привела к революции и революционная ситуация 1859-1861 годов. Не привела прежде всего потому, что не было тогда еще такого революционного класса, который был бы способен "на революционные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже в эпоху кризисов, не "упадет", если его не "уронят". {Там же, стр. 190.} Разрозненные действия крестьян и демократической молодежи не вылились в общее сокрушительное выступление масс против существующего строя.

Силы реакции во главе с царской властью, помещики-крепостники яростно сопротивлялись развивающемуся революционному движению. Царское правительство жестоко расправлялось с отдельными выступлениями крестьян и студентов. Буржуазно-дворянские либералы в обстановке революционной ситуации открыто предали интересы народа, дело прогресса страны и вступили в блок с крепостниками. В 1862 году, подавив первую волну серьезных выступлений демократических сил, реакция начала прямое наступление на лагерь демократии. Летом 1862 года, после правительенной провокации в связи с майскими пожарами в Петербурге, начались массовые репрессии, направленные против революционно настроенной демократической интеллигенции.

Для демократического движения наступили трудные годы, когда нужно было устоять против жестокого натиска реакции, собирать и готовить силы для нового революционного подъема. Испытав эти тяжелые удары, революционные демократы не прекратили своей самоотверженной борьбы. Но они продолжали ее в новых, очень сложных условиях.

Как раз на это время и падает наиболее напряженная литературная деятельность Писарева. Он пришел в демократическое движение к концу революционной ситуации 1859-1861 годов. Вскоре после начала своей деятельности в демократической журналистике он подвергся длительному тюремному заключению. Его освобождение совпало по времени с еще более жестоким наступлением реакции после выстрела Каракозова в 1866 году. Журнал, в котором он до этого времени работал, был закрыт, на демократическую литературу посыпались новые репрессии. А всего через два года после выхода на свободу трагическая гибель оборвала жизнь молодого критика.

Тяжелые условия, в которых развернулась блестящая, но кратковременная деятельность Писарева в демократической печати, и особенно общая трудная для демократического движения обстановка, начиная с 1862 года, но могли не отразиться на направлении этой деятельности, не могли не оказаться в отдельных противоречиях, свойственных Писареву.

Но при всем том Писарев был характерным "человеком шестидесятых годов", передовым борцом демократического движения. Основное, что бросается в глаза в его работах, написанных нередко под живым впечатлением тяжелых потерь, поражений и трудностей, переживаемых демократическим движением, - это чувство глубокого, боевого оптимизма, твердое убеждение в неизбежности движения вперед, уверенность в конечной победе сил демократии, постоянный боевой дух и молодой задор борца.

Нас не может не поразить интенсивность литературной деятельности Писарева, разнообразие его интересов как мыслителя и критика, столь показательные вообще для революционно-демократических писателей 1860-х годов. За семь с небольшим лет работы в демократической печати им было написано более пятидесяти крупных статей и очерков, не считая рецензий, а между тем за это время журнальная деятельность его дважды прерывалась.

На протяжении всей своей деятельности в 1861-1868 годы Писарев оставался в рядах сознательных борцов за лучшее будущее своей родины.

I

В одной из ранних рецензий Писарев замечает: "Первые годы жизни заслуживают полного внимания биографа: первые впечатления, первоначальное направление воспитания, личности окружающих людей имеют часто решительное, неизгладимое влияние на наклонности и характер ребенка. К сожалению, бывает обыкновенно очень трудно собрать подробности об этом первом периоде жизни, сообщенные сведения бывают обыкновенно отрывочны, неясны и бесцветны. Редко дают себе труд наблюдать над постепенным развитием ребенка, подмечать в нем характерные особенности, следить за пробуждением молодого ума". {д. И. Писарев, Сочинения, изд. 5, т. I. СПб. 1909, стр. 91.} Эти слова можно целиком отнести и к характеристике детства, отрочества и юности Писарева. По немногим отрывочным и во многом неясным сведениям, которыми располагает теперь его биограф, трудно воссоздать полную картину первоначального развития Писарева. Но одно выступает при этом с особой рельефностью: в развитии Писарева мы сталкиваемся с фактом решительного и острого кризиса, духовного перелома, который падает на годы окончания им университета и определяется воздействием общественной обстановки шестидесятых годов.

Дмитрий Иванович Писарев родился 14 октября (по новому стилю) 1840 года в селе Знаменском Елецкого уезда Орловской губернии в состоятельной и культурной дворянской семье. Воспитывался он главным образом под влиянием матери, к которой сохранил привязанность на всю жизнь.

Ему стремились дать разностороннее образование. Однако оно не выходило за традиционные рамки. Особое внимание уделялось языкам. Развивался мальчик быстро и не по летам, много читал и рано привык заносить на бумагу свои впечатления от увиденного, прочитанного и пережитого. Воспоминания близких Писарева, немногие сохранившиеся письма и дневниковые записи свидетельствуют о его острой впечатлительности и рано проявившейся литературной одаренности. Но тщетно стали бы мы искать в этих данных каких-либо намеков на будущее направление критической мысли Писарева.

Среде, в которой воспитывался мальчик, при всей ее культурности, были далеки передовые общественные интересы. Вспоминая о своем детстве, Писарев отмечал, что хотя он читал и много, круг его чтения был еще очень ограничен. Его любимыми книгами были романы Дюма и Купера, а с лучшими произведениями русской литературы он, по собственному признанию, был тогда знаком больше по названиям и именам. Характеризуя литературные вкусы своих воспитателей, он писал: "Евгений Онегин" и "Герой нашего времени" считались произведениями безнравственными, а Гоголь - писателем сальным и в порядочном обществе совершенно неуместным". На критические статьи в журналах Писарев, по его собственным ироническим словам, "смотрел как на кодекс гиероглифических надписей".

В 1851 году Писарев был отдан в одну из лучших гимназий Петербурга. О своих гимназических годах он позднее отзывался не менее иронически: "я принадлежал в гимназии к разряду овец; я не злился и не умничал, уроки зубрил твердо, на экзаменах отвечал красноречиво и почтительно и в награду за все эти несомненные достоинства был признан "преуспевающим". В этой позднейшей автохарактеристике краски, конечно, сгущены. Однако и другие сохранившиеся данные говорят о том, что мальчик дома и в гимназии воспитывался в верноподданническом духе, ему прививались мысли о почтительности к признанным "авторитетам", его готовили к блестящей и спокойной карьере; на душу его не ложились тяжелые впечатления окружающей нищеты, социальной несправедливости, крепостнического гнета.

Успешно окончив гимназию, Писарев в 1856 году поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. В статье "Наша университетская наука", написанной всего два года спустя после окончания университета. Писарев говорит о своих профессорах и товарищах по факультету в резко памфлетных тонах. Иронически отзывается он и о своих занятиях в университете. В студенческие годы Писарев мечтал об академической ученой карьере. Он сблизился с кружком способных студентов-филологов, одним из его товарищей в это время был известный впоследствии литературовед Л. Н. Майков. Участники этого кружка культивировали интересы "чистой академической науки", от политических вопросов они держались в стороне.

Но в эти же годы впервые проявились идейные искания Писарева. В университете он много и успешно занимался, получил серьезную подготовку в области истории и филологии. Первой печатной работой его было опубликованное в 1860 году в "Сборнике, издаваемом студентами Петербургского университета" сочинение, посвященное характеристике известного немецкого филолога-идеалиста В. Гумбольдта. Оканчивая университет, Писарев избрал темой кандидатской диссертации характерный эпизод из истории разложения рабовладельческого общества в Римской империи, ярко обрисовав мистическое учение одного из "пророков" этого времени – Аполлония Тианского и ту обстановку, которая вызвала к жизни это мистическое учение. Позднейшие работы Писарева показывают, как глубоки и разносторонни были полученные им исторические знания. Но самое главное было не в этом.

С развитием революционных событий в начале шестидесятых годов, с возникновением демократического движения в среде тогдашнего студенчества назревает и крепнет у Писарева чувство неудовлетворенности окружающей обстановкой, мучительное сознание невозможности следовать ранее избранным путем. Писарев к концу пребывания в университете, по его же признаниям и по свидетельству его сокурсников, все более отдалялся от кружка студентов-филологов, в котором господствовали узко специальные интересы. Его привлекает теперь широкое поле общественной деятельности, литературная работа; круг интересов быстро расширяется, чувство живой жизни берет свое. Назревает серьезный духовный кризис, вскоре и совершившийся в Писареве.

Назреванию этого кризиса способствовали и личные переживания. В 1858 году Писарев серьезно увлекся своей двоюродной сестрой – Р. А. Кореневой. Любовь была несчастливой: родные Писарева были против нее. Это первое серьезное столкновение Писарева с родными сыграло также известную роль в его духовном развитии.

С начала 1859 года, еще будучи студентом университета, Писарев начинает сотрудничать в журнале "Рассвет", носившем характерный подзаголовок: "Журнал наук, искусств и литературы для взрослых девиц". Издавал его некто В. А. Кремшш, артиллерийский офицер по образованию. Журнал Кремпина был одним из тех педагогических изданий, которые так часто предпринимались в 1860-х годах и обычно так недолго существовали. Направление журнала не отличалось определенностью. Сам Писарев позднее метко охарактеризовал его как "сладкое, но приличное". Однако к сотрудничеству в журнале был привлечен ряд прогрессивных писателей. На долю юноши Писарева выпала одна из основных ролей: он вел в журнале литературно-критический отдел. Увлеченный новой работой, Писарев много писал для журнала. Это были живо и умно составленные рецензии на статьи из различных журналов того времени, талантливые краткие разборы новых литературных произведений. В них Писарев стремился познакомить молодых читательниц с важнейшими новостями публистики, критики и художественной литературы, приучить их к сознательному, серьезному чтению, воспитать в них правильный эстетический вкус, внушить им прогрессивные идеи о воспитании, о роли и назначении женщины в обществе.

Работа в журнале была плодотворной для Писарева. По его собственному признанию, один год сотрудничества в "Рассвете" принес больше пользы его умственному развитию, чем два года усиленных занятий в университете. Статьи и рецензии Писарева в "Рассвете" дают представление об этом своеобразном подготовительном периоде его критической деятельности. При относительной узости круга тем, определявшейся специфическим назначением и направлением журнала, молодой критик показал здесь и значительную широту своих интересов и хорошее знакомство с новейшей литературой. Правда, эти первые произведения еще не дают нам права говорить о сложившихся демократических и материалистических убеждениях Писарева, но в них отражаются некоторые передовые устремления того времени.

Писарев выступает здесь как сторонник эмансипации женщин. В рецензии на "Парижские письма" М. Л. Михайлова, горячего защитника прав женщин, Писарев солидаризируется с автором. Он развивает тот взгляд, что перед женщиной должна быть открыта область сознательного труда, что хорошо выполнить свою роль жены и матери она сможет только при условии, если будет товарищем мужчины в труде, если будет жить насущными интересами, волнующими современное общество. Прогрессивными являются и педагогические высказывания молодого Писарева. Он выступает в защиту широкого, серьезного образования,

Наиболее интересны из работ этого периода три небольшие критические статьи, посвященные разбору "Обломова", "дворянского гнезда" и рассказа Л. Н. Толстого "Три смерти". Писарев дает в них тонкую критическую оценку этих произведений, показывает своеобразие художественной манеры каждого из писателей. Для него эти произведения важны потому, что они дают правдивую реалистическую картину действительности. Пробуждающиеся демократические настроения Писарева находят выражение в характеристике Обломова как порождения "старорусской жизни", как типичного представителя барства. Эти настроения выражаются и в живом сочувствии к освобождению женщины. Общая высокая оценка романа как произведения глубоко художественного и актуального, особенно интерпретация образа Ольги Ильинской, сходятся в самом существенном с тем, что мы находим в известной статье Добролюбова о романе Гончарова. Показательна и оценка "дворянского гнезда", особенно анализ характера Лизы Калитиной. Осуждая охвативший ее мистицизм, Писарев прямо указывает, что трагическая судьба Лизы объясняется тем, что ее личность сформировалась под влиянием характерных элементов помещичьей среды, что Лиза "идет по ложной и опасной дороге", ведущей ее к духовной гибели. Разбирая рассказ Толстого, Писарев особенно высоко оценивает его талант художника-психолога. Отчетливо выступает в этих трех статьях признание народности и реализма как основных достоинств литературного произведения.

Однако этим ранним статьям Писарева еще недостает политической остроты выводов. В них находят место оценки расплывчатые, неопределенные, в целом еще далекие от революционно-демократического взгляда на явления и типы современной жизни. Писарев, например, некритически отнесся к образу Штольца. В согласии с Гончаровым он принял Штольца за образец практического деятеля, который может обновить жизнь, вывести ее из застоя. Сбиваются нередко на отвлеченные "общечеловеческие" мотивы и характеристика Обломова.

За год работы в журнале "Рассвет" Писарев вошел в круг живых научных и литературных интересов, основательно познакомился с лучшими произведениями русской и иностранной художественной и научной литературы и критики. В его ранних статьях уже видно знакомство с произведениями Белинского. Под воздействием идей Белинского Писарев становится убежденным сторонником реалистического направления в русской литературе. В одной из рецензии 1859 года он высоко оценивает значение Гоголя для нашей литературы. "Гоголь был первым нашим народным, исключительно русским поэтом, - говорится там, никто лучше его не понимал всех оттенков русской жизни и русского характера, никто так поразительно верно не изображал русского общества; лучшие современные деятели нашей литературы могут быть названы последователями Гоголя; на всех их произведениях лежит печать его влияния, следы которого еще долго, вероятно, останутся на русской словесности". {Д. И. Писарев, Сочинения, изд. 5, т. I, СПб. 1909, стр. 34.}

Но, по признанию самого Писарева, и в это время "остаток прошедшего, мертвый догмат, все еще висел" над его головой. В статье "Наша университетская наука", откуда взяты процитированные здесь слова, оп указывает, вспоминая о времени работы в "Рассвете", что еще "открещивался от примера Добролюбова", не понимал значения его деятельности. Стремления молодого критика раздваивались между перспективой спокойной академической карьеры ученого-филолога и бурной журнальной деятельности. Без сомнения, общий характер и направление журнала "Рассвет" ограничивали развитие Писарева. Работа в таком журнале не могла его надолго удовлетворить. В самой среде, в которой он тогда вращался, еще не находилось лиц, сближение с которыми дало бы последний толчок формированию нового мировоззрения.

Между тем в сознании Писарева уже назревал серьезный кризис. Основы старого взгляда на окружающее пошатнулись и начали распадаться, а восприятие новых идей еще не было окончательно подготовлено. Этот кризис привел впечатлительного юношу к серьезному умственному потрясению. К концу 1859 года Писарев пережил то напряженно-восторженное состояние, когда он, по его собственным словам, смотрел на себя как на какого-то титана, Прометея, похитившего священный огонь. За приступом до предела напряженной энергии последовал резкий упадок сил. Весной 1860 года Писарев психически заболел и несколько месяцев пробыл в лечебнице.

Летом того же года, оправившись от умственного расстройства, Писарев с
Страница 5

Д.И. Писарев. Ю. Сорокин filosoff.org

новым жаром берется за литературную работу. Его замыслы расширяются, становятся смелее. Первой пробой сил после выздоровления явилась статья о сочинениях Марко Вовчка. В ней Писарев задумал не только дать подробный критический разбор повестей и рассказов известной украинской писательницы-демократки, но также изложить свой общий взгляд на литературу. Статья эта - типичное явление переходного момента в развитии Писарева. Показательно само обращение к произведениям Марко Вовчка, посвященным изображению людей из народа и проникнутым глубокими симпатиями к трудовому люду, враждой к крепостническому гнету. Творчество М. Вовчка высоко оценивали Чернышевский и Добролюбов. Писарев еще не смог подняться до той боевой, революционно-демократической оценки и интерпретации этих повестей, какая отличает статью Добролюбова "Черты для характеристики русского простонародия", появившуюся осенью того же года. Но в статье Писарева сильнее, чем раньше, звучит протест против рутины и застоя, яснее выражено трезвое, реалистическое отношение к жизни и ее запросам. Однако Писарев, очевидно, еще не смог вполне справиться с теми широкими задачами, которые он поставил здесь перед собой, и статья осталась незавершенной.

В 1861 году Писарев окончил университет. В начале этого года он стал постоянным сотрудником журнала "Русское слово".

II

Писарев был сотрудником "Русского слова" в течение пяти лет. Это годы самой напряженной его литературно-критической и публицистической деятельности, время, когда его мировоззрение оформилось и окрепло, а его произведения привлекли всеобщее внимание. Именно в это время Писарев становится одним из "властителей дум" молодого поколения шестидесятых годов. Но внимательный анализ многочисленных произведений Писарева, опубликованных в "Русском слове", вместе с тем свидетельствует об очень сложном и нередко противоречивом процессе его духовного роста и развития. Отчетливо выделяются два периода в этом развитии Писарева как критика "Русского слова". Один из них охватывает первый год работы в журнале, с весны 1861 года по июнь 1862 года, когда Писарев был арестован и его деятельность временно прекратилась. Второй период начинается в 1863 году, когда возобновилось сотрудничество Писарева в "Русском слове".

В первый год работы в журнале Писарев опубликовал почти два десятка статей, не считая небольших рецензий и переводов. Разнообразен был круг этих статей. В них поднимались и философские вопросы, и вопросы истории, и вопросы естествознания, большое место заняла литературная критика. Это были вопросы, имевшие самое животрепещущее значение для общественной жизни того времени. С первых шагов своих в новом журнале Писарев вступил в напряженную борьбу, которую вела тогда демократическая журналистика против сил реакции. Свои взгляды на самые острые и сложные вопросы современной действительности он выразил с характерной для него прямотой и непосредственностью. Он умел при этом с помощью прозрачных намеков, аналогий и ярких иносказаний, а иногда и выразительных недомолвок обходить те препятствия, которые постоянно возводила царская цензура перед демократической литературой.

Уже в первых статьях, опубликованных в "Русском слове" за 1861 год, перед нами демократ по убеждениям, горячо проводящий определенный круг идей. Как совершился этот переход критика на демократические позиции, мы можем судить прежде всего на основании лаконичных, но решительных объяснений самого Писарева. "В 1860 году, - говорится в статье "Промахи незрелой мысли", - в моем развитии произошел довольно крутой поворот. Гейне сделался моим любимым поэтом, а в сочинениях Гейне мне всего больше стали нравиться самые резкие ноты его смеха. От Гейне понятен переход к Молешотту и вообще к естествознанию, а далее идет уже прямая дорога к последовательному реализму и к строжайшей утилитарности". В 1865 году в "Современнике" было опубликовано письмо в редакцию В. Д. Писаревой - матери критика. В этом письме, либо написанном самим критиком, находившимся тогда в заключении, либо во всяком случае просмотренном и одобренном им, указывалось на влияние редактора "Русского слова" Г. Е. Благосветлова как на один из факторов, определивших перемену в мировоззрении Писарева. Однако несколько позднее, в статье "Посмотрим!", Писарев говорит, что почва для этого была в нем уже подготовлена к моменту прихода в "Русское слово". Бессспорно, что все указанное Писаревым сыграло известную роль в его духовном развитии. Не случайно, что сотрудничество

Писарева в "Русском слове" началось с помещения его перевода поэмы Гейне
Страница 6

"Атта Троль". Ирония и сарказмы Гейне, беспощадное осмеяние отживающего мира, ложных авторитетов, романтических и либеральных иллюзий не могли не захватить Писарева в период острого духовного кризиса. Плодотворным для развития и укрепления материалистических взглядов Писарева было последовавшее затем обращение его к работам по естествознанию. Еще более существенное значение должен был иметь и переход Писарева в журнал "Русское слово".

Этот журнал начал издаваться в 1859 году на средства меценатствующего графа Кушелева-Безбородко. Сперва позиции журнала были крайне неопределенными и не выходили из границ умеренного либерализма. Дело изменилось, когда в 1860 году редактором его стал демократический публицист Г. Е. Благосветлов, близкий к революционным кругам. Именно он первый оценил Писарева как выдающегося критика и публициста. Журнал "Русское слово" объединил тесный круг единомышленников, писателей боевых и талантливых. В нем сотрудничали известный передовой мыслитель-демократ, ученик Чернышевского и Добролюбова - Н. В. Шелгунов, поэт-сатирик Д. Д. Минаев, талантливый молодой экономист Н. В. Соколов, критик В. А. Зайцев. В журнале печатали свои произведения Гл. Успенский, Решетников и другие писатели-демократы. К середине 1860-х годов "Русское слово" приобрело особенно сильное влияние на демократическую молодежь.

Но этим своим влиянием журнал был обязан прежде всего деятельности в нем Писарева. Придя в журнал, он скоро завоевал себе в нем положение первого критика, стал в идейном отношении руководящим силой журнала.

Это дает нам право заключить, что к началу постоянного сотрудничества в "Русском слове" решающий поворот во взглядах Писарева уже произошел: они достаточно определились и созрели.

Бессспорно, что важнейшим фактором, определившим идейную эволюцию Писарева, его приход в лагерь революционной демократии, явился тот высокий подъем демократического движения, который переживала страна в 1860-1861 годах. На идейное созревание Писарева оказали решающее воздействие произведения Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова. Ясные признаки их влияния видны уже в первых его статьях в "Русском слове". На страницах журнала он выступает в защиту взглядов Чернышевского, в защиту "Современника". Вместе с "Современником" он ведет борьбу с реакционной и либеральной публицистикой. Глубокое сочувствие вызывает у него деятельность Герцена.

Правда, критическая мысль Писарева шла при этом своими путями. Он не был простым истолкователем взглядов Белинского, Герцена, Чернышевского и Добролюбова. Не все в их идейной программе он безоговорочно принимал. Более того. По некоторым существенным вопросам он расходился с выводами критики "Современника". Это нашло свое отражение и в произведениях его, относящихся к первому периоду сотрудничества в "Русском слове".

В чем же состояли важнейшие черты мировоззрения Писарева в этот период его деятельности? Одной из первых его статей в "Русском слове" явилась статья "Идеализм Платона". В ней высказаны взгляды по основному вопросу философии - об отношении сознания к материи.

С развитием демократического движения в России получили важнейшее значение защита и обоснование материалистического мировоззрения. Революционные демократы 1840-1860-х годов были убежденными материалистами. Они решительно выступали против идеализма, придали материалистической философии характер боевого, действенного мировоззрения. Опираясь на лучшие традиции передовой философской мысли, творчески восприняв идеи французских просветителей XVIII века и выдающегося немецкого философа Л. Фейербаха, они развивали далее материалистические взгляды на природу и человека. Защищая и развивая материализм в философии, революционные демократы обосновывали необходимость движения общества вперед, законность и неизбежность его демократического переустройства. Замечательной чертой философии русских революционных демократов явилось их стремление освободиться от метафизического подхода к явлениям действительности, от отвлеченно-просветительского взгляда на человека и его деятельность. Правда, в силу отсталости общественного строя, в силу отсутствия в России того времени сформировавшегося революционного класса - пролетариата, они оказались не в состоянии выработать законченное материалистическое понимание истории. Но они вплотную подошли к диалектическому материализму. В их произведениях уже выступают элементы материалистической диалектики, являются гениальные догадки и при объяснении

Д.И. Писарев. Ю. Сорокин filosoff.org

исторических фактов. Они придавали большое значение роли народных масс в развитии общества, обратили серьезное внимание на условия экономической жизни масс, на отношения собственности, выступали как убежденные борцы против эксплуатации и пауперизма трудящихся, провозглашали и отстаивали идеи социализма. От их произведений веет духом классовой борьбы.

Статья "Идеализм Платона" подвергла яркой и острой критике философские доктрины идеализма. Писарев обнажает здесь оторванность идеалистической философии от действительности, характерное для нее "полное отрицание самых элементарных свидетельств опыта". "Болезненными галлюцинациями" называет Писарев взгляды идеалистов. Он показывает подавляющее, мертвяще действие идеалистических доктрин на развитие общества, на человека. Острое статьи направлено против реакционной проповеди аскетизма, подавления естественных стремлений, угнетения и унижения человеческой личности. Но статью Писарева нельзя воспринимать просто как отвлеченную защиту свободы личности, тем более как проповедь индивидуализма, гедонистического отношения к жизни.

Борьбу его за свободу личности нельзя не поставить в связь с общими требованиями демократического движения того времени. Писарев выступает в защиту свободного развития человеческой личности, избавленной от гнета феодально-крепостнического строя, от господствующих предрассудков, религии, от преклонения перед ложными авторитетами идеалистической философии. Освобождение личности от наложенных на нее крепостническим строем и полицейским произволом стеснений было одним из общих требований демократического движения в России. В этих условиях борьба Писарева с реакционными учениями, оправдывающими подневольное положение, физическое и духовное подавление человеческой личности, приобрела острое политическое звучание.

Философские взгляды Писарева нашли свое дальнейшее раскрытие в одной из его наиболее важных статей 1861 года, в "Схоластике XIX века". Писарев принял прямое участие в борьбе, развернувшейся между журналами реакционного и либерального лагеря, с одной стороны, и "Современником", с другой. В "Схоластике XIX века" он высказал свою солидарность с основными идеями Чернышевского, горячо защищал "Современник" от клеветы и нападок со стороны реакционеров и либералов, вскрывая убожество их программы. Статья Писарева произвела сильное впечатление, в нем увидели новую крупную силу демократической журналистики. Реакционеры не могли скрыть своего раздражения этой статьей.

Писарев скжато и энергично излагает в статье программу молодого поколения в идейной борьбе шестидесятых годов. Существенное место при этом занимает обоснование и защита материализма. "Наше время решительно не благоприятствует развитию теорий... Ум наш требует фактов, доказательств, фраза нас не отуманит", - писал он, вкладывая в слово "теория" тот специфический смысл, в каком оно нередко выступало еще в философских работах Герцена 1840-х годов. Под "теорией" здесь иносказательно понимались умозрения идеалистической философии.

"ни одна философия в мире, - говорит он далее, - не привьется к русскому уму такочно и так легко, как современный, здоровый и свежий материализм". Но материализм Писарева проникнут здесь не только уважением к фактам, к явлениям действительности, он полон боевого духа, он выдвигается как идейное оружие в борьбе со всем старым, прогнившим и отжившим.

Писарев так формулирует основное требование своего направления: "Вот ultimatum нашего лагеря: что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится, что разлетится вдребезги, то хлам; во всяком случае бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть". Как видим, это требование выражено здесь с явной запальчивостью. Но все изложение статьи ведет мысль читателя к определенному восприятию этого ультимативного требования. Речь идет о беспощадном отрицании отжившего, старого порядка вещей, ставящего преграды для дальнейшего развития общества. Безоговорочное отрицание этих устарелых, отживших форм бытия и сознания признается насущной потребностью времени. "Прикосновения критики, - говорит Писарев, - боится только то, что гнило... Перед заклинанием трезвого анализа исчезают только призраки, а существующие предметы, подвергнутые этому испытанию, доказывают им действительность своего существования".

Идея развития, закономерной смены существующих форм жизни, борьбы старого и
Страница 8

Д.И. Писарев. Ю. Сорокин filosoff.org

нового пронизывает эти рассуждения Писарева. В мире идей, так же как и в мире действительной жизни, говорится в другом месте статьи, побеждает только тот, кто без устали идет вперед, а "кто устал идти, тот может сесть в стороне от дороги и помириться с тем, что его обгонят". Старые нормы и положения теряют свою обязательную силу с дальнейшим ходом развития.

"Прошедшее движущему обществу может дать материалы для размышления, а не норму для деятельности". В связи с этим получает особое значение борьба с признанными "авторитетами", с защитниками и апологетами старого порядка, с мертвыми догмами, со всякого рода идейной "рухлядью", как красочно определяет это Писарев.

"Схоластика XIX века" по своему характеру - статья преимущественно полемическая. В ней, в отличие, например, от "Антропологического принципа в философии" Чернышевского или "Писем об изучении природы" Герцена, мы не находим систематического изложения основных положений материалистической философии. Но органическое родство общих философских идей, которые развивает и защищает здесь Писарев, с исходными положениями философских работ других революционно-демократических мыслителей бесспорно.

Однако статья Писарева открывает и слабые стороны его мировоззрения. Здесь отражаются как общие слабости домарковского материализма, так и черты известной незрелости взглядов молодого Писарева, то, в чем он уступает как мыслитель Чернышевскому и добролюбову.

Это проявилось, например, в постановке и разрешении вопроса о критерии истины и о соотношении абсолютной и относительной истины. Писарев признает достаточным критерием истины очевидность чувственного восприятия действительности. "Очевидность, - пишет он, - есть лучшее ручательство действительности... Невозможность очевидного проявления исключает действительность существования".

Здесь Писарев, конечно, отражает общую слабость домарковского материализма - его созерцательный характер. Но при этом, как мыслитель, он все-таки оказывается здесь позади Чернышевского, который еще в 1855 году писал о том, что практика - это "непреложный пробный камень всякой теории". {Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. II, М. 1949, стр. 102.} Нетрудно заметить, что такое решение вопроса о критерии истины связано у Писарева с характерной для него в это время несколько отвлеченной постановкой вопроса о формировании личности, развившейся "совершенно безыскусственно и самостоятельно".

Выступая против "вечных истин", как их понимают идеалисты, Писарев вместе с тем бросает ошибочное утверждение, что "воззрения не могут быть ни истинны, ни ложны: есть мое, ваше воззрение, третье, четвертое и т. д.". Конечно, на практике Писарев постоянно рассматривает те или иные воззрения именно с точки зрения их соответствия объективной действительности, их истинности или ложности. Но приведенное выше утверждение, односторонне подчеркивающее субъективный момент в восприятии действительности, оставляет в тени вопрос об объективности познания.

Особенности философских воззрений Писарева этого времени нашли свое отражение и в его первых научно-популярных статьях по вопросам естествознания, появившихся в 1861-1862 годах. Это статьи "Физиологические эскизы Молешотта", "Процесс жизни" и "Физиологические картины".

Одной из важнейших заслуг русской материалистической философии 1840-1860 годов было то, что она уделяла большое внимание развитию естественнонаучных знаний, подчеркнула важное значение единства материалистических идей и естествознания. В этой области велики заслуги и Писарева. Развитие его интереса к вопросам естествознания и особенно физиологии, которым посвящены и упомянутые статьи, было тесно связано с укреплением материалистических взглядов на природу и человека, а также и с особенностями его общественно-политической программы.

Писарев придавал большое значение распространению в обществе материалистических взглядов на деятельность человеческого организма. В научно проверенных данных естествознания, в их популяризации он видел серьезное противоядие против религии и предрассудков, против ложных идеалистических доктрин. Он верил при этом, что правильное понимание потребностей живого организма предостережет мыслящих людей от уродливых отношений в общественной жизни и будет способствовать переустройству жизни

Д.И. Писарев. Ю. Сорокин filosoff.org
на новых началах. В этих надеждах Писарева проявились типично просветительские иллюзии. Но важнее всего то, что в этой пропаганде данных физиологии о нормальных условиях жизнедеятельности человеческого организма, о естественных потребностях его, ярко сказался демократизм Писарева. Каждый человек имеет право на удовлетворение всех законных потребностей организма. Поэтому недопустимо, чтобы народ жил в нужде, недоедая и не имея возможности рационально питаться, дышать свежим воздухом, разумно наслаждаться и свободно любить, расти здоровых детей, всесторонне развивать свои физические и умственные силы. Господствующие отношения, построенные на неравенстве и эксплуатации человека человеком, нарушают естественные потребности живого организма, находятся в коренном противоречии с данными науки - вот каков один из основных тезисов этих естественнонаучных статей Писарева. Глубокое сочувствие Писарева вызывают страдания трудового большинства.

В этих статьях немало и метких выпадов по адресу идеалистической "натурфилософии", а также представителей "чистого искусства", предпочитающих действительности бледные и беспочвенные порождения своей фантазии, фактам разного рода иллюзии. Именно в статье "Процесс жизни" брошено им крылатое изречение: "Слова и иллюзии гибнут - факты остаются".

Однако и в этих статьях проявилась недостаточная зрелость философских взглядов молодого Писарева, в частности - известное влияние взглядов немецких вульгарных материалистов - Фохта, Бюхнера и Молешотта, на работы которых он опирается в своем изложении. Правда, Писарев во многом не разделяет взглядов этих, по определению Энгельса, "разносчиков дешевого материализма", {К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 649.} далеких от демократического движения. Но отношение Писарева к ним все же недостаточно критическое. Некоторый налет грубо-механистических истолкований явлений природы и общества, непонимание их качественного своеобразия, приводит Писарева иногда к явно упрощенным формулировкам. Так, в статье "Физиологические эскизы Молешотта" Писарев утверждает: "Газы, соли, кислоты, щелочи соединяются и видоизменяются, дробятся и разлагаются, кружатся и движутся без цели и без остановки, проходят через наше тело, порождают новые тела - и вот вся жизнь, - и вот история". {Д. И. Писарев, Сочинения, изд. 5, т. I, СПб. 1909, стр. 384.}

Однако не подобного рода ошибочные заключения характеризуют философские взгляды Писарева. Главное состоит в том, что уже с первых статей в "Русском слове" он твердо стал на позиции материализма и вступил в борьбу с философской и политической реакцией.

В "Схоластике XIX века" и в других статьях 1861-1862 годов нашла свое выражение и общественно-политическая программа Писарева. Общим у Писарева с другими революционными демократами 1860-х годов является его борьба против крепостнического гнета и произвола. Ярко выступает в этих статьях вражда Писарева к крепостническому строю и его пережиткам, к реакции и застою в общественной жизни, к различным формам произвола и насилия над личностью. Две цели выдвигаются при этом Писаревым в статье "Схоластика XIX века": освобождение личности и уничтожение изолированности сословий, типичной для феодально-крепостнического общества, то есть прежде всего уничтожение сословных привилегий. Писарев заявляет себя горячим сторонником свободного самоопределения молодого поколения, раскрепощения и полного равноправия женщины, нестесненного развития всех живых сил общества, развития народного благосостояния и просвещения.

Характерно, что важнейшее дело литературы он видит в сближении ее с народом. Литература должна полно и глубоко понять коренные интересы и нужды народа и всемерно способствовать его освобождению от подневольного труда и царящего произвола, его подлинному просвещению. "Упрочьте экономической быт, обеспечьте материальную сторону, - пишет он в "Схоластике XIX века", - и народ... примется читать и даже писать книги", "не мешайте народу, удалите препятствия, он сам разовьется". В статье "Народные книжки" (1861) Писарев высмеял убогие попытки реакционных и либеральных педагогов "просветить" парод с помощью книжек, подделывающихся под народную речь и преподносящих народу жалкие крохи знаний без системы и выбора. Отвергая эти неловкие попытки "опуститься" до уровня невежественного крестьянина, Писарев требовал, чтобы народное просвещение стало делом всего общества. "Образование народа, - писал он, - пойдет мимо этих бездарных попыток, и пойдет неудержимою волною, когда дремлющие силы (народа. - Ю. С.) сознают собственное существование я двинутся по внутренней потребности". Как

Д.И. Писарев. Ю. Сорокин filosoff.org

развитие отдельной личности зависит, по Писареву, прежде всего от ее самодеятельности, так и дело народного просвещения пойдет успешно лишь в той мере, в какой разовьется все общество и сам народ пробудится к сознательной активной жизни, правильно поймет свои насущные потребности.

Успехи в развитии народности Писарев ставил в тесную связь с общим развитием науки и литературы в стране. Но литература, по убеждению Писарева, еще не может непосредственно влиять на сознание народа; она еще далека, оторвана от него. Поэтому Писарев и выдвигает в статье "Схоластика XIX века" задачу "гуманизации среднего сословия" как первоочередную задачу. Литература должна всемерно способствовать тому, чтобы у лучшей части образованного общества, у людей, "способных понять истину и отрешиться от отцовских заблуждений", вырабатывалось разумное мировоззрение, чтобы все шире становился круг деятелей, способных понять народные интересы и тесно сблизиться с народом. Именно поэтому для Писарева освобождение личности от гнета старого, от влияния "авторитетов" и является важнейшим условием демократического переустройства общества.

Нетрудно заметить, что набросанная в "Схоластике XIX века" общественно-политическая программа Писарева, при всей ее сильной антикрепостнической и демократической направленности, носит все же менее определенный характер, чем та, которую развивал в годы революционной ситуации "Современник" Чернышевского и Добролюбова. Об этом ясно говорят и литературно-критические статьи Писарева конца 1861 года ("Стоячая вода", "Писемский, Тургенев и Гончаров", "Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова").

В этих статьях дана острая критика старого, обнажается уродливость отношений, господствующих в дворянской и мещанской среде, в "патриархальной" семье. Писарев показывает тлетворное, разлагающее влияние этой обстановки на тех, кто не способен ей решительно противостоять. В этом смысле он продолжает ту работу обличения "темного царства", которую вели Герцен, Чернышевский и Добролюбов. Большое место заняло при этом разоблачение людей типа Рудина, не способных к настоящему делу, "героев фразы". Пафос статей Писарева состоит в призывае к общественной активности, к действию, к труду. "Работать надо, работать мозгом, голосом, руками, а не упиваться сладкозвучным течением чужих мыслей, как бы ни были эти мысли стройны и выложены", - говорит он в статье "Писемский, Тургенев и Гончаров". "Только тот, кто переработал идею, способен сделаться деятелем или изменить условия своей собственной жизни под влиянием воспринятой им идеи, т. е. только такой человек способен служить идее и извлекать из нее для самого себя осознательную пользу". Все это придавало статьям Писарева глубокую актуальность, действенность, определяло их демократическую направленность.

Но в этих статьях, как и в "Схоластике XIX века", Писарев еще не ставит прямо вопроса о широком народном движении, о подготовке крестьянской революции. Страстно желая решительных перемен в окружающей жизни, пробуждения народа, устранения всего, что мешало дальнейшему прогрессу страны, молодой критик, однако, еще не оценил вполне значения сложившейся в 1859-1861 годах революционной ситуации.

Этим прежде всего отличается позиция Писарева в 1861 году от позиции Чернышевского и Добролюбова. Чернышевский и Добролюбов последовательно готовили в это время демократические силы к прямому революционному выступлению. И в подцензурных статьях они умели донести до сознания читателя идею неотвратимости крестьянской революции. Они были глубоко убеждены в том, что широкое народное выступление против существующего строя совершиится в ближайшем будущем. Правда, они ошиблись в своих расчетах: революционная ситуация 1859-1861 годов не привела к всеобщему революционному выступлению крестьянства, демократических сил страны. Но условия общественной борьбы этого времени были таковы, что, как писал В. И. Ленин, "самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание - опасностью весьма серьезной". {В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 27.} Ясно видя эту возможность революционного взрыва, Чернышевский и Добролюбов всю свою деятельность направили на прямую его подготовку. Именно то, что они, непримиримо борясь со всякого рода либеральными иллюзиями, последовательно отставали революционный путь как единственно возможный в тех условиях путь коренного разрешения крестьянского вопроса, - составляло их силу как передовых деятелей освободительного движения, его идейных руководителей.

Такой зрелости революционных убеждений, общественно-политической программы мы не находим еще в статьях Писарева 1861 года. Он, без сомнения, всецело на стороне демократии. Он признает великое освободительное значение революционных действий. Но он не видит еще в это время объективной возможности крестьянской революции, не отдает полного отчета в силе современного ему демократического движения. Поэтому его программа носит менее определенный характер. В ней сильно звучат ноты безоговорочного осуждения старого, но нет отчетливой перспективы революционного действия масс. Не видел он еще и нового деятеля, способного возглавить такое движение. Таким образом, сходясь с Чернышевским и Добролюбовым на общей программе решительного отрицания старого, он не раскрывает перед своим читателем тех революционных путей, которые могут в данных условиях смести это старое. В качестве положительной программы он выдвигает в статьях 1861 года более общий план ближайших действий демократических сил. Для того чтобы пробудить народ, дать решительный толчок развитию народной жизни, основной задачей в эти годы, по Писареву, является формирование молодого поколения демократической интеллигенции, пробуждение в широких слоях образованного общества сознания невозможности жить по-старому, сплочение лучшей части этого общества, способной понять задачи времени и понести в народ разумное миросозерцание. Основной задачей для него является расшатывание основ старого мировоззрения, решительная и безоговорочная критика всего старого и отжившего, выставление на свет гнилости и уродливости старых порядков.

В этом расхождение Писарева с Чернышевским и Добролюбовым в оценке ближайших тактических задач демократического движения, в оценке сложившейся к тому времени политической ситуации. Отсюда и расхождение Писарева с некоторыми важными выводами литературно-критических статей Добролюбова.

В статье "Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова" это обнаруживается в оценке романа Тургенева "Накануне" и романа Гончарова "Обломов". Как известно, Добролюбов в статье "Когда же придет настоящий день?" подчеркнул актуальность основного образа тургеневского романа. Правда, он отмечал "бледность очертаний Инсарова", писал, что "этот Инсаров все еще нам чужой человек", {Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений, т. 3, м. 1952, стр. 53. Курсив Добролюбова.} но все же подчеркивал "величие и красоту его идей", цельность его характера. Основным в статье Добролюбова явилась твердо выраженная уверенность в том, что скоро выступят на сцену русские Инсаровы, способные до конца выдержать борьбу с "внутренними врагами". С глубокой симпатией отнесся Добролюбов и к образу Елены, подчеркивая его силу и жизненность. Он не скрывал слабостей этого образа, "неспелость" и "практическую пассивность" героини, неопределенность ее исканий. Но тем не менее Добролюбов увидел и здесь у Тургенева "новую попытку создания энергического, деятельного характера". "Как идеальное лицо, составленное из лучших элементов, развивающихся в нашем обществе, - писал он, - Елена понята и близка нам". {Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений, т. 3, м. 1952, стр. 40.} С особой силой были подчеркнуты Добролюбовым необходимость появления нового героя, готового и способного на революционный подвиг, и созревание в русском обществе такой глубокой неудовлетворенности существующей жизнью, которая могла бы привести к революционному взрыву.

Писарев иначе смотрит на основные образы романа. Он утверждает, что Инсаров создан "процессом механического построения", не признает его "живым лицом", отрицает целостность этого характера. Резок и его приговор Елене. Он считает ее экзальтированной мечтательницей, даже "психически больной". "жить и действовать вы решительно не умеете", - говорит он, обращаясь к Елене. Нельзя не отметить и существенное различие между Добролюбовым и Писаревым в тоне оценки Берсенева и Шубина. Добролюбов видит в них типичных представителей либерализма и осмеивает их половинчатость. Отношение Писарева к ним более сдержанное. Проявлением мечтательства, предупреждающего действительность, считает он то, что Тургенев вместе с Еленой "бракует Шубина и Берсенева".

Объясняя неудачу, которая, по его мнению, постигла Тургенева с образом Инсарова, Писарев делает очень симптоматичное заключение: "Кто в России сходил с дороги чистого отрицания, тот падал". Короче говоря, он не видит еще необходимых условий для изображения нового, положительного героя.

Не менее резким оказалось расхождение с Добролюбовым и в оценке романа
Страница 12

Гончарова. Писарев со свойственной ему решительностью теперь отмежевывается от той высокой оценки "Обломова", которую он сам дал в статье 1859 года. Теперь он готов причислить Гончарова к представителям "чистого искусства". Эта оценка Гончарова как художника без сомнения полемична. Она в значительной степени вызвана тем, что в это время Гончаров как цензор заявил себя преследованиями демократической литературы. Но нетрудно заметить, что общая характеристика писательской манеры Гончарова полемически направлена и против того, что говорил Добролюбов в статье "Что такое обломовщина?". Добролюбов также писал там, что Гончаров "не дает, и, невидимому, не хочет дать, никаких выводов" относительно изображаемого. Но он видел сильнейшую сторону таланта Гончарова "в уменье схватить полный образ предмета, отчеканить, изваять его". {Там же, т. 2, м. 1952, стр. 109.} Добролюбов отмечал, что антикрепостническая направленность "Обломова", независимо от намерений автора, вытекает из самих материалов романа, из самих глубоко типических и мастерски обрисованных образов его. Писарев не принял этой тонкой характеристики романа. Полемические намерения заслонили в его статье объективный анализ романа как художественного произведения. Он обвиняет Гончарова в том, что нет у него ясно выраженного взгляда на предмет, нет прямых выводов. Объективность изображения у Гончарова он готов рассматривать как простую фотографичность. Добролюбов в целом высоко ставил роман "Обломов", отмечал типичность его характеров и окружающей их обстановки. Писарев же утверждает, что "главные действующие лица (романов Гончарова. Ю. С.) созданы головою автора, а не навеяны впечатлениями живой действительности". Добролюбов смотрел на Обломова как на исторически сложившийся тип, порожденный крепостническими отношениями. Писарев, отвергая либерально-клеветническую оценку Обломова как порождения всей русской жизни, вместе с тем не видит в нем ничего типического, не видит его обусловленности определенными социальными отношениями. "Обломов просто ленив, потому что ленив", - приходит он к выводу. Добролюбов, говоря об "обломовщине" как социальном явлении, ставил Обломова в связь с образами других "лишних людей" в русской литературе, в том числе и с Рудиным и Бельевым. Писарев прежде всего подчеркивает отличие Обломова от героев типа Рудина и Бельтова. Недостатки Рудиных и Бельтовых он ставит в связь с вызвавшей их к жизни социальной обстановкой, он смотрит на этих героев как на жертвы существующего порядка вещей. Обломов же с его ленью, по мнению Писарева, целиком "поставлен в зависимость от своего неправильно сложившегося темперамента". Самому термину "обломовщина" Писарев отказывает в значении крылатого слова, имеющего определенный социальный смысл. Добролюбов считал образ Ольги Ильинской живым, глубоко типическим образом русской женщины, способной к самостоятельному развитию. Писарев считает ее фигурой выдуманной, "марионеткой". Таким образом, в оценке "Обломова" Писарев почти по всем пунктам разошелся с Добролюбовым. Лишь в характеристике Штольца сошлись они. В положительной оценке Штольца в романе как деятеля нового типа они видели проявление типичного либерализма.

Эти расхождения нельзя считать случайными или свидетельствующими только о различном эстетическом подходе к роману Гончарова. - В основе их лежит известное различие между тактической линией Добролюбова и Писарева. В глазах Добролюбова образ Обломова потому получил особенное значение, что в нем он увидел крайнее, наиболее полное выражение того, к чему приводит действие крепостнической среды. Ставя в связь этот образ с образами других "лишних людей", Добролюбов направлял свой удар по дворянскому либерализму с его неспособностью противостоять реакции, с его дряблостью и политической беспринципностью. Резкая характеристика "лишних людей", безоговорочное их осуждение, без всяких скидок на то, что они являются "жертвами" окружающей их среды, служили в статье Добролюбова этой важнейшей политической цели. Характеристика типа "лишних людей" у Писарева при всей ее остроте еще лишена такой политически обобщающей силы.

Но при всех проявлениях в этих статьях известной незрелости Писарева в эти годы как революционного демократа они остаются яркими документами общей демократической борьбы против существовавшего порядка вещей, исполнены пафосом его решительного осуждения и отрицания.

Эти статьи Писарева показали и его выдающиеся способности как литературного критика. Современный читатель не может пройти мимо глубокого анализа нескольких повестей Тургенева, тонкой и вдумчивой характеристики героев этих повестей. Писарев на протяжении всей своей деятельности высоко ценил Тургенева как художника. Другим писателем, чье творчество в эти годы получило у Писарева очень высокую оценку, был Писемский. Литературная критика тех лет мало уделила внимания достоинствам Писемского -

Д.И. Писарев. Ю. Сорокин filosoff.org

талантливого бытописателя, правдиво и красочно показавшего типические стороны жизни крепостнической России. Писарев первый подчеркнул это. Он склонен даже поставить Писемского, в некоторых отношениях выше Тургенева. В этом увлечении критика также нельзя не видеть отражения некоторых специфических черт мировоззрения Писарева в эти годы. Писарев прежде всего требует от литературы сосредоточения на обличении старого, темных сторон тогдашней действительности. В критическом пафосе обличения он видит основное значение произведений современной ему литературы. Он считает глубоко оправданным сосредоточение писателя на изображении повседневной действительности, обычновенных людей, ставших жертвами "уродливого порядка вещей". "Тем и замечательна повесть Писемского, - говорит критик о повести "Тюфяк", - что она рисует нам не исключительные личности, стоящие выше уровня массы, а дюжинных людей... Чтобы действительно оценить всю грязь нашей вседневной жизни, надо посмотреть на то, как она действует на слабых людей; только тогда мы в полной мере поймем ее отравляющее влияние". В этих словах Писарева было много и актуального и справедливого. Но в них отразилось еще и его сомнение в готовности литературы сойти с почвы "чистого отрицания" и изобразить новый тип положительного героя. Эти идеи противоречия Писарева приводили к известному смещению перспективы. Сопоставляя трех современных писателей, он отдавал пальму первенства Писемскому за грубовато-прямолинейное изображение явлений повседневной жизни и в этом смысле ставил его произведения не только выше романов Гончарова, к которым он отнесся несправедливо-полемически, но даже и выше повестей любимого им Тургенева.

* *

*

В условиях дальнейшего обострения политической борьбы в России к началу 1862 года мировоззрение Писарева быстро крепло и оформлялось. Теснее связан он в это время с кругом революционно-демократической молодежи, активно участвует в политическом движении тех дней. Расширялся круг общественных вопросов, привлекающих его внимание. Политические выводы его статей становились острее, решительнее. В этом смысле очень показательна статья "Меттерних", появившаяся в самом конце 1861 года. В ней была дана характеристика австрийского министра, одного из столпов европейской реакции накануне 1848 года, вдохновителя "Священного союза", пытавшегося объединить силы реакции в борьбе с нараставшим революционным и национально-освободительным движением. Писарев показывает тщетность этих усилий Меттерниха, историческую обреченность его политики. Политика Меттерниха "уже осуждена историей, - говорит он, - ее несостоятельность обнаружили итальянские события трех последних лет", {Д. И. Писарев. Сочинения, изд. 5, т. I, СПб. 1909, стр. 579.} то есть борьба итальянского народа за национальную независимость и воссоединение страны.

Революционные демократы 1860-х годов всегда связывали борьбу против царизма и феодально-крепостнического строя в России с критикой буржуазных порядков на Западе, с борьбой против европейской реакции. Разоблачая реакцию и буржуазный либерализм на Западе, они направляли свой огонь по русским поклонникам буржуазной "цивилизации", пытавшимся опереться на "опыт" западноевропейских реакционеров и либералов в борьбе с революционным движением масс. Статья Писарева о Меттернике, появившаяся в момент высокого подъема демократического движения, была боевым выступлением против царизма и реакции. Демократический читатель хорошо понимал, что, говоря об австрийских делах, Писарев имеет в виду и явления современной ему русской действительности.

Рост революционных настроений Писарева ясно виден в статьях, опубликованных в начале 1862 года, незадолго до его ареста.

В статье "Московские мыслители" Писарев продолжил борьбу с реакционно-охранительной журналистикой, начатую в "Схоластике XIX века". Но если в статье 1861 года большое место занимает защита "Современника" от нападений со стороны реакционеров и либералов, то в этой статье Писарев переходит в прямое наступление против реакционной журналистики. Он подвергает меткому осмеянию и уничтожающему разбору содержание журнала Каткова "Русский вестник", который считался наиболее "солидным" органом реакции. Литература "Русского вестника" и демократическая литература - это явления двух различных миров, между ними нет и не может быть никакого примирения; таков основной вывод статьи.

Задаче разоблачения реакционной идеологии посвящена и статья "Русский Дон-Кихот". Она направлена против учения славянофилов, активизировавших в эти годы свою деятельность. Идеологи славянофильства провозглашали необходимость "обновления" идеализма на основе догматов православия. В своей статье, дающей ироническую характеристику подобных "философских исканий" славянофила И. Киреевского, Писарев показывает глубоко реакционный смысл их.

Одной из лучших литературно-критических статей Писарева является "Базаров". Роман Тургенева "Отцы и дети" нашел в Писареве своего вдумчивого истолкователя. Образ Базарова, оригинально раскрытий Писаревым, получил для него особенное значение. В Базарове Писарев, наконец, обрел того положительного героя, которого он не видел еще, когда писал предшествующие статьи.

Как же представлял себе Писарев образ деятеля, в котором нуждается современное ему общество? Что он увидел в Базарове? С помощью прозрачных намеков Писарев дает знать читателю, что видит в Базарове демократа, готового пойти в решительную минуту до конца и принять, когда это понадобится, - активное участие в революционном переустройстве жизни. "Из Базаровых, при известных обстоятельствах, - говорит он, - вырабатываются великие исторические деятели; такие люди долго остаются молодыми, сильными и годными на всякую работу; они не вдаются в односторонность, не привязываются к теории, не прирастают к специальным занятиям; они всегда готовы променять одну сферу деятельности на другую, более широкую и более занимательную; они всегда готовы выйти из ученого кабинета в лаборатории". Чтобы дать знать читателю подцензурной статьи, о какой "более широкой и занимательной" сфере деятельности идет речь, Писарев ссылается на пример Франклина, оставившего свои научные и литературные занятия для активного участия в борьбе за независимость североамериканских колоний.

Базаров - "человек дела", в нем "есть сила, самостоятельность, энергия". Люди его склада "не подаются ни на какие компромиссы", они яшут, "не мирясь с господствующим злом и не давая ему над собою никакой власти". Писарев подчеркивает простоту и естественность отношений Базарова к народу, отмечает, что его любят люди из народа. Но в то же время Базаров во многом, по признанию Писарева, и "человек для них чужой, потому что не знает их быта, их потребностей, их надежд и опасений, их понятий, верований и предрассудков". Такое положение Базарова побуждает его, по мнению Писарева, к трезвой и сдержанной оценке современной обстановки и ближайших задач. "Возьмется он за дело, - пишет критик, имея в виду революционное дело, только тогда, когда увидит возможность действовать не машинально. Его не подкупят обманчивые формы; внешние усовершенствования не победят тво упорного скептицизма; он не примет случайной оттепели за наступление весны и проведет всю жизнь в своей лаборатории, если в сознании нашего общества не произойдет существенных изменений". Иначе говоря, люди, подобные Базарову, свободны от либеральных иллюзий, далеки от того, чтобы принять реформу 19 февраля за истинное разрешение крестьянского вопроса и ожидать от правительства серьезных преобразований, но они еще не видят и прямых признаков наступления "весны", то есть демократической революции, поры непосредственного "дела". Отсюда и сдержанно-горькое аллегорическое окончание статьи: "Что делать? Жить, пока живется, есть сухой хлеб, когда нет ростбифу, быть с женщинами, когда нельзя любить женщину, а вообще не мечтать об апельсинных деревьях и пальмах, когда под ногами сугробы и холодные тундры".

Нарисованный Писаревым по материалам Тургеневского романа мужественный образ Базарова занял в дальнейшем выдающееся место в его рассуждениях. Контуры этого образа у Писарева впоследствии менялись. Но важно, что с этого момента образ Базарова получил для Писарева символическое значение. Он явился своеобразным мерилом, с помощью которого оценивались многие другие образы и типы русской литературы.

Образ Базарова в писаревской интерпретации оказал сильное воздействие на читающую молодежь того времени. В обстановке шестидесятых годов статья Писарева получила революционное звучание. Она призывала молодежь не складывать рук, сознательно работать для будущего, готовить свои силы для широкой общественной деятельности в интересах народа.

Д.И. Писарев. Ю. Сорокин filosoff.org
статья "Бедная русская мысль", в которой он дал общую характеристику деятельности Петра I и его реформ. Эта характеристика далека от подлинного историзма. Писарев, не отрицая выдающихся способностей Петра, более всего оттеняет его деспотизм, те варварские методы, с помощью которых он внедрял просвещение. Но в литературе шестидесятых годов эта статья представляла смелое выступление против деспотизма, против самодержавия. Рисуя деятельность самодержавных деспотов, Писарев иронически именует их "мудрителями над жизнью". Основной силой историй Писарев считает не венценосных правителей, не отдельные личности, а народ, жизнь которого нельзя перестроить по произволу отдельных лиц и узких групп. Развивая свой взгляд на историю, Писарев подчеркивает, что великое значение получают только такие преобразования, которые касаются самых основ политического и экономического устройства страны и которые могут "стряхнуть с русского мужика его отчаянную апатию, - эту вынужденную апатию безнадежности..." А "стряхнуть эту роковую апатию, которую многие совершенно ошибочно принимают за физиологическую черту русского народного характера, мог только или сам народ, или такой смелый преобразователь, который... решил бы коснуться основных сторон гражданского и экономического быта нашего простонародья". Таким образом, в движении самого народа и в деятельности тех, кто глубоко проникнут пониманием коренных политических и экономических потребностей масс, Писарев, как революционный демократ, видит условия решительного прогресса. Сильно звучит в статье напоминание о "четырех многознаменательных исторических эпизодах", о революционных событиях XVII века в Англии и революциях 1830 и 1848 годов во Франции.

Однако и здесь еще отразились сомнения Писарева в силе движения народных масс, в их готовности к широкому выступлению в это время: "Проснулся ли он (народ. - Ю. С.) теперь, просыпается ли, спит ли попрежнему, - мы не знаем. Народ с нами не говорит, и мы его не понимаем".

"Бедная русская мысль" появилась в "Русском слове" незадолго до приостановки журнала по распоряжению правительства. Есть свидетельства, что опубликование статьи Писарева явилось одной из причин временного запрещения журнала. Впоследствии она подверглась преследованию со стороны царских властей.

Вероятно, к этому же времени относится и замечательная статья "Пчелы", увидевшая свет позднее. Под видом популярного очерка о жизни пчел является здесь острый социально-политический памфлет. Писарев дает многозначительную картину социальных противоречий в "улье", отношений между пчелами-работницами, "благородными" трутнями и маткой улья - королевой. В конце содержатся многозначительные намеки на возбуждение пчел-пролетариев, которые начинают собираться в кучки и толковать о своих делах, что вызывает подлинный переполох среди трутней. Пчелиный улей представляет в миниатюре картину "темного царства". Господство трутней и покровительствующей им королевы, безропотность рабочих пчел держится только до тех пор, пока все щели в улье тщательно замазаны и туда не проникает "луч света". Но, раз почувствовав прелести вольной жизни на воздухе, рабочие пчелы уже не могут далее жить при старых порядках и безропотно обслуживать жиরеющих трутней. Эти прозрачные аллегории очень характерны для революционно-демократической публистики шестидесятых годов.

* *

*

В июне 1862 года, под впечатлением начавшегося разнузданного похода реакции против демократического движения, Писарев написал статью-прокламацию, обращенную к демократической молодежи. Непосредственным поводом для написания ее послужила клеветническая кампания, поднятая реакционерами вокруг имени Герцена. Подкупной писака барон Фиркс, действовавший под псевдонимом Шедо-Ферроти, выступил с грязной книжонкой, стремившейся опорочить Герцена. Писарев разоблачил в своей статье подлые намерения автора брошюры и реакционные силы, стоявшие за его спиной. Но значение статьи Писарева заключалось не только в защите Герцена от клеветы. Статья Писарева - это страстный призыв к революционному действию, к решительному ответу на действия реакции. В статье, не предназначенной для опубликования в подцензурной печати, с особенной силой и прямотою выражена вражда Писарева к царизму, его уверенность в неизбежной гибели самодержавия. "династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть... говорится в заключение статьи. - То, что мертвое и гнило, должно само собою

Д.И. Писарев. Ю. Сорокин filosoff.org

свалиться в могилу. Нам останется только дать им последний толчок и забросать грязью их смердящие трупы". Эта прокламация – один из выдающихся документов политической агитации шестидесятых годов. Она проливает яркий свет на настроения, которые к этому моменту оформились у Писарева.

Убежденный враг царизма и крепостнической реакции – таким предстает Писарев в конце своего первого периода деятельности в "Русском слове". Свою статью Писарев передал для напечатания в подпольной типографии Баллода. Но ей не удалось дойти до своего читателя. Типография Баллода была раскрыта полицией, была захвачена и рукопись Писарева. Писарев был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, где он провел четыре года. В это же время журнал "Русское слово" был остановлен правительством на восемь месяцев.

III

С арестом Писарева его деятельность прекратилась на целый год. Лишь летом 1863 года, после усиленных хлопот родных и друзей, заключенный в крепости Писарев получил возможность публиковать статьи в начавшем вновь выходить "Русском слове". С этого момента начинается новый период деятельности критика. В его взглядах этого времени мы заметим много связующих нитей со взглядами предшествующего периода, но вместе с тем и существенную эволюцию. То, что раньше лишь намечалось, теперь отлилось в законченные формы, нередко получило новое развитие. Новые темы оказываются в центре внимания, по-новому даются ответы на некоторые животрепещущие вопросы.

В тяжелых условиях одиночного заключения Писарев не пал духом. Напротив, и здесь он развернул самую кипучую литературную деятельность. Большая часть его произведений относится именно к 1863–1865 годам. Он становится подлинным идеальным руководителем журнала, одним из наиболее выдающихся представителей демократической критики. Его влияние на демократическую молодежь в это время особенно сильно. Его идеи становятся предметом самого пристального внимания и острых полемических откликов в печати. Это период расцвета его творческих сил.

Время это В. А. Слепцов в своей известной повести назвал "трудным". Демократическое движение лишилось лучших своих руководителей. Добролюбов умер осенью 1861 года, а Чернышевский был сослан на долгие годы в Сибирь. Роман "Что делать?" был последним произведением его, опубликованным в "Современнике". Многие участники демократического движения были заключены в тюрьму или сосланы. На "Современнике" и "Русском слове", возобновивших свой выход в 1863 году, лежала тяжелая рука цензуры. Революционная ситуация в стране к этому времени уже окончилась. Волна крестьянских волнений с 1862 года пошла на убыль, прекратились и массовые выступления студенческой молодежи. Первый серьезный натиск демократических сил был отбит реакцией. Органы реакционной и либеральной печати усилили травлю демократической литературы и журналистики. Особенно усилилась реакция в связи с подавлением царскими войсками в 1863 году польского восстания. В рядах самих участников демократического движения обнаружились серьезные разногласия и колебания. Возникает опасность уклона неустойчивой части демократической интеллигенции к либерализму. Возникает и другая опасность – подмены лозунга развертывания широкого демократического движения лозунгом изолированных действий бунтарей-одиночек, тактикой политических заговоров отдельных групп.

В этих трудных условиях самоотверженно продолжают свою работу лучшие представители революционной демократии. Перед ними встает теперь сложная задача сохранения и "собирания" рассеянных сил и еще более сложная и важная задача воспитания в условиях жестокой реакции новых кадров участников продолжающейся революционной борьбы. Перед выдающимися представителями общественно-политической мысли шестидесятых годов встает и задача осмысливания новой обстановки, анализа новых явлений в социальной жизни России и Запада, поисков дальнейших путей революционной борьбы, определения политической тактики в период спада революционной волны. В условиях общей социально-политической отсталости России, когда не было еще сложившегося революционного класса пролетариата, эти теоретические искания носили характер мучительный, сложный. Это нашло свое отражение и в мировоззрении Писарева.

В произведениях Писарева этих лет мы найдем много ярких страниц, проникнутых глубоким пониманием данной исторической эпохи и дающих с демократических позиций анализ сложных общественных явлений. Но в поисках наиболее верных путей дальнейшего движения вперед Писарев нередко в эти

Д.И. Писарев. Ю. Сорокин filosoff.org

годы приходил и к выводам ошибочным, парадоксальным. В его произведениях этого времени проявились черты отвлеченного просветительства, своеобразного "культурничества".

Сразу же по возобновлении своей деятельности Писарев поместил в "Русском слове" две большие, очень знаменательные для дальнейшего направления его мысли статьи: "Наша университетская наука" и "Очерки из истории труда". Две темы получили здесь особенное развитие: тема воспитания молодого поколения и тема труда, роли трудящихся масс в истории. Эти вопросы затрагивал Писарев и в статьях 1861-1862 годов. По теперь они впервые были поставлены развернуто и нашли очень характерное освещение.

"Наша университетская наука" - произведение, оригинальное по своему замыслу. Первая его часть - своеобразные воспоминания Писарева о его детских и особенно юношеских годах, о его пребывании в университете и о первых его шагах в журналистике. В резких, почти памфлетных тонах дана здесь характеристика товарищей Писарева по университету, мечтавших об академической карьере, профессоров и преподавателей историко-филологического факультета. С иронией говорит Писарев и о своих прежних юношеских идеалах. Что же вызвало такие резкие оценки? Почему Писарев решил обратиться к воспоминаниям о "годах учения", к анализу духовного кризиса, пережитого им несколько лет назад?

Рассказывая о том процессе, в результате которого он оставил мечты о чисто академической, кабинетной деятельности филолога и предпочел ей "скользкий путь журналиста", Писарев стремился помочь формированию сознания молодого поколения.

Время, когда на очередь дня поставлены вопросы глубокой перестройки общественной жизни, когда идет решительная борьба между силами революции и реакции, - не время уединенных кабинетных занятий. Разговоры о "чистой науке" представляют одну из попыток реакции увлечь учащуюся молодежь в сторону от активной общественной деятельности в интересах народа. Таков основной смысл нападений Писарева на официальную науку, на современное ему университетское образование.

Была и другая сторона, не менее важная для Писарева, но более специфическая в этой резкой оценке высшего историко-филологического образования его времени. Это особенно ясно раскрывается во второй части статьи, излагающей взгляды Писарева на общие задачи образования, особенно университетского. Говоря о настоятельной необходимости демократической перестройки программы общего образования, Писарев особое внимание уделяет вопросу о выборе той области науки, на которую можно прочно опереться в этом деле. Такой областью Писарев считает естествознание. "До сих пор в наших школах изучали преимущественно человека и его духовные произведения, говорит он, - а теперь надобно изучать природу. Это единственное средство выйти из области догадок и предположений, фраз и возгласов, красивых теорий и бессмысленного зубрения. Это единственное средство ввести учеников в область точного знания, добросовестного исследования и живого мышления". Писарев кладет в основу общего образования изучение естествознания не только потому, что развитие естественных наук приносит человечеству прямую практическую пользу, подготавливает новые важные открытия, помогает обществу овладеть силами природы. Изучению естественных наук он придаст методологическое значение. "Естественные науки, - говорит он, - важны и замечательны не только по предмету своего изучения, но и по своему методу. Это - науки, основанные исключительно на наблюдении и опыте".

Что определило такое подчеркнутое внимание Писарева именно к естественным наукам? Как раз на 1860-е годы падает бурное развитие естествознания, открытие важнейших закономерностей в природе. Великое значение получило эволюционное учение Дарвина. Крупнейшая роль в развитии естествознания принадлежит и русским ученым - современникам Писарева. В эти годы развертывается деятельность таких замечательных русских ученых, как Бутлеров, Менделеев, Сеченов, Боткин. "Мы должны будем признать, - писал К. А. Тимирязев, - что во всей истории естествознания не найдется других 10-15 лет, в пределах которых изучение природы сделало бы такие дружные, одновременные и колоссальные шаги". {К. А. Тимирязев, Сочинения, т. VTI, 1939, стр. 142 ("Развитие естествознания в России в эпоху 60-х годов").} Писарев был одним из тех, кто с огромным воодушевлением воспринял эти успехи естествознания.

Д.И. Писарев. Ю. Сорокин filosoff.org

С другой стороны, передовая русская общественная мысль, несмотря на отдельные попытки материалистически истолковать общественные явления, еще не была подготовлена, в силу общей отсталости экономического развития страны, к восприятию марксизма. В таких условиях представлялось, что именно естественные науки с их строгим методом исследования, с их тяготением к последовательному материализму создадут условия и для научного объяснения человека, общества и его истории, помогут изгнать идеализм и ив общественных наук. Характерно, что об этом писал и Чернышевский в "Антропологическом принципе в философии". Писарев был одним из тех мыслителей, кто глубоко проникся этим убеждением.

Взгляды Писарева на значение естественных наук способствовали дальнейшим успехам их, укреплению связи естествознания и материализма, привлечению новых талантливых сил в эту область науки. Сам Писарев был выдающимся популяризатором достижений естественнонаучной мысли. Одним из первых в России он выступил как убежденный сторонник дарвинизма: в начале 1864 года в "Русском слове" была опубликована его большая работа "Прогресс в мире животных и растений" - талантливое изложение основных положений дарвиновского учения о происхождении видов. Писарев отмечал, что учение Дарвина представляет важнейшую победу материалистического мировоззрения в науке. Он использовал данные дарвинизма для дальнейшего укрепления позиций материалистического истолкования мира. Писарев, подчеркивая значение успехов естествознания для дальнейшего прогресса общества, для развития производительных сил страны, стремился связать разработку естественнонаучных знаний с общими интересами демократического движения. Он показывал своим работам благотворное влияние на представителей передовой научной мысли 1860-1870 годов. Это влияние испытали на себе в молодые годы, по их собственным признаниям, великие русские ученые К. А. Тимирязев и И. П. Павлов.

Но во взглядах Писарева на естествознание была одна особенность, очень для него характерная. В статье "Наша университетская наука" он писал: "Собственно говоря, только математические и естественные науки имеют право называться науками. Только в них гипотезы не остаются гипотезами; только они показывают нам истину и дают нам возможность убедиться в том, что это действительностина. Эти науки сообщают человеку, посвятившему себя их изучению, такую трезвость и неподкупность мышления, такую требовательность в отношении к своим и к чужим идеям, такую силу критики, которая сопровождает этого человека за пределы выбранных им наук, которая не оставляет его в действительной жизни и кладет свою печать на все его рассуждения и поступки". Здесь у Писарева выступает преувеличение общественной роли естествознания, его наивная уверенность в том, что распространение естественнонаучных знаний и методов исследования создаст решающие условия для формирования нового типа деятелей, способных правильно понять интересы общества и выработать правильный путь для его радикального преобразования. Распространение этих знаний, по словам Писарева, привело бы к тому, что "рутину и предрассудки погибли бы навеки, потому что они держатся теперь только благодаря тому обстоятельству, что самые простые законы природы неизвестны даже образованному обществу". Эти иллюзии Писарева наложили, как мы увидим, серьезный отпечаток на решение в его работах 1864-1865 годов ближайших тактических задач демократического движения.

"Очерки из истории труда" раскрывают другую - и при этом важнейшую сторону мировоззрения Писарева в эти годы. Здесь развернуто изложены его взгляды на историю человеческого общества.

Он выступает против буржуазной идеализации и фальсификации истории. Основой исторического прогресса, по Писареву, является трудовая деятельность масс, а не поступки и желания отдельных выдающихся личностей или высокопоставленных особ. Поэтому важнейшее значение для него получает вопрос об условиях и формах, в которых протекает эта трудовая деятельность человека. Буржуазно-либеральным представлениям о прогрессе Писарев противопоставляет взгляд на историю общества как сложный и мучительный процесс, в котором сменялись различные формы эксплуатации народных масс. "Различные видоизменения войны и различные проявления рабства, - говорится в "Очерках", - наполняют собою все страницы всемирной истории. Переход от одного вида войны к другому и от одной формы рабства к другой называется благозвучным именем человеческого прогресса". Наиболее яркие страницы "Очерков" и посвящены изображению этих "патологических форм труда", как их называет Писарев, то есть различным формам эксплуатации трудящихся масс,

Д.И. Писарев. Ю. Сорокин filosoff.org
особенно капиталистической. На примере буржуазной Англии он показывает, что капитализм приносит с собою огромные богатства для небольшой кучки эксплуататоров, занимающих вершину общественной пирамиды, и неисчислимые бедствия для трудящихся масс, составляющих основание этой пирамиды. Уничтожающему разбору вслед за Чернышевским Писарев подвергает реакционную антинаучную сущность "учения" Мальтуса о перенаселении. Выступая против буржуазного либерализма, Писарев говорит, что "пробуждение масс, необходимое для вступления людей в истинную цивилизацию, всегда производится только каким-нибудь решительным поворотом в течении общественной и экономической жизни, а не громкими и гуманными кликами старших братьев, подвзывающими на пользу младших в литературе и на различных кафедрах". Следуя за Герценом и Чернышевским, в своих "Очерках" Писарев показал вопиющие противоречия капитализма, выступил как горячий сторонник такого строя, при котором труд будет править миром. "Надо, - писал он, оканчивая "Очерки", - чтобы труд был притен, чтобы результаты его были обильны, чтобы они доставались самому труженику и чтобы физический труд уживался постоянно с обширным умственным развитием". Говоря о противоречивом характере прогресса при капитализме, Писарев указывает, что, "увеличивая могущество одних и бессилие других, открытия и изобретения увеличивают неравенство и порабощение". Но тут же он обращает внимание читателя на то, что это развитие общества носит в самом себе зародыш разрушения существующих отношений неравенства и угнетения. "Только очень близорукие мыслители, - заключает он, - могут воображать себе, что так будет всегда. Средневековая теократия упала, феодализм упал, абсолютизм упал; упадет когда-нибудь и тираническое господство капитала". Таким образом, Писарев в своих "Очерках" поднялся до утверждения исторической неизбежности крушения капитализма.

Вопросы исторического развития были поставлены Писаревым и в других работах 1864–1865 годов. К этому времени относится цикл его очерков "Исторические эскизы", "Историческое развитие европейской мысли", "Перелом в умственной жизни средневековой Европы", охватывающих различные эпохи истории Западной Европы, начиная с древности и кончая буржуазной революцией 1789–1794 годов во Франции.

Нетрудно понять, почему эти вопросы получили для Писарева такое важное значение. Его мысль, так же как и мысль других представителей революционной демократии 1860-х годов, настойчиво стремилась понять закономерности исторического развития человечества, выяснить реальные условия важнейших исторических изменений, предугадать ход и направление дальнейшего движения событий. Писарев поднимает здесь вопрос о роли масс в истории, о роли революционного сознания в подготовке и осуществлении важнейших исторических перемен, о том, какое значение для истории общества имеют условия экономической жизни, условия существования народа, опыт коллективной деятельности масс. "Частная жизнь только тогда интересна для историка, говорит Писарев в "Исторических эскизах", - когда она выражает в себе особенности той коллективной жизни масс, которая составляет единственный предмет, вполне достойный исторического изучения". {Д. И. Писарев, Сочинения, изд. 5, т. III, СПб, 1912, стр. 114.}

В "Исторических эскизах" дана яркая картина крушения феодального порядка во Франции. Писарев при этом особое внимание уделил характеристике условий жизни народа при старом режиме, приведших к революционному взрыву, вызвавших пробуждение революционного сознания в массах и определивших ту решительность, с которой народ приступил к слому старых порядков и учреждений. Основываясь на этом анализе, Писарев приходит к следующему важному общему заключению: "Действующая сила (исторических событий. - Ю. С.) лежала и лежит всегда и везде - не в единицах, не в кружках, не в литературных произведениях, а в общих и преимущественно - в экономических условиях существования народных масс". {Там же, стр. 171.} Действия отдельных выдающихся личностей, кружков и партий определяются при этом условиями общественной жизни. Они получают силу и значение тогда, когда соответствуют коренным интересам народной жизни, общему направлению исторических событий. "Не клубы, не речи ораторов, не газеты Демулены и Марата производили в низших слоях французского общества неумолимое озлобление, - говорит Писарев, - а, напротив, существовавшее озлобление порождало и поддерживало и клубы, и яростные речи, и неистовые газеты. Вожди и агитаторы давали существующей силе организацию и единство общего направления, но эта сила существовала совершенно независимо от них и часто толкала их вперед тогда, когда они считали удобным приостановиться". {Д. И. Писарев, Сочинения, изд. 5, т. III, СПб. 1912, стр. 170.}

Писарев отмечает процесс формирования и решительного размежевания в ходе французской буржуазной революции либеральной и демократической партий. Его симпатии всецело на стороне демократов-якобинцев. Он высмеивает жалкие реформистские планы "постепенного и спокойного прогресса". Разоблачение буржуазного либерализма становится в 1864-1865 годах одной из основных тем в произведениях Писарева.

В исторических очерках Писарев уделил большое внимание вопросу о развитии и распространении в обществе прогрессивных, освободительных идей. Он стремится показать, как определенные обстоятельства жизни народов возбуждают движение в их умственной жизни и как затем эти новые идеи, овладевая обществом, становятся активной силой в освободительной борьбе. Эпоха Возрождения, Реформация, развитие передовой мысли во Франции накануне буржуазной революции XVIII века особенно привлекали внимание Писарева. В этом смысле показательна статья Писарева "Популяризаторы отрицательных доктрин" (1866), где дана замечательная характеристика деятельности Вольтера, Дидро, Гольбаха и других философов XVIII века, французских экономистов-физиократов, расшатавших устои феодального мировоззрения и подготовивших Францию к восприятию революционных идей.

Но в своих исторических очерках Писарев не смог подняться до подлинно научного понимания исторического процесса. Несмотря на отдельные попытки провести материалистические взгляды в область исторических явлений, его понимание истории в делом еще оставалось идеалистическим. Вот почему в произведениях Писарева по вопросам истории мы не находим ни определенного ответа на вопрос о причинах, по которым человеческое общество оказалось разделенным на классы, ни подлинно научного ответа на то, каким путем оно придет к социалистическому строю. Как ни был внимателен Писарев к материальным условиям общественного развития, в конечном итоге основой его он считает изменения в сознании общества. Исторически сменявшие друг друга формы эксплуатации он называет "патологическими", болезненными уклонениями с правильного пути, соответствующего природе человека, а эти отклонения объясняет заблуждениями людей, отсутствием, невыработанностью правильного взгляда на природу человека. Он говорит в "Очерках из истории труда": "Люди сбились с настоящего пути, исказили свою природу и до сих пор продолжают мучить друг друга". Решающим условием избавления от этих мучений является, по Писареву, распространение в обществе строго реального взгляда на природу человека, на отношения между людьми в процессе труда. Говоря в тех же "Очерках", что "общественные и экономические доктрины до сих пор представляют очень близкое сходство с отжившими призраками астрологии, алхимии, магии и теософии", Писарев замечает: "Очень вероятно, что и эти кабалистические доктрины сложатся когда-нибудь в чисто научные формы и со временем обнаружат свое влияние на практическую жизнь, со временем убедят людей в том, что людоедство не только безнравственно, но и невыгодно". Он указывает при этом на пример естественных наук, которые "уже в настоящее время вышли из тумана произвольных гаданий".

Противоречия во взглядах Писарева, борьба материалистических тенденций с отвлеченным просветительством с особо наглядностью выразились в его большой статье конца 1865 года "Исторические идеи Огюста Конта", которой сам он придавал большое значение. В сжатой форме дано здесь изложение истории человечества от первобытного общества до эпохи капитализма. Особое внимание при этом удалено, так же как и в "Очерках из истории труда", борьбе человека за овладение силами природы, борьбе классов и различным проявлениям социального антагонизма, разоблачению современного капиталистического рабства. Как материалист, Писарев ведет непримиримую борьбу с религией. Именно это и вызвало цензурные преследования статьи, за помещение которой журнал "Русское слово" получил последнее предупреждение. Как революционный демократ, Писарев критикует в этой статье позитивиста О. Конта за его попытки "примирить" науку и религию, за его пополнование навязать обществу религиозную организацию как "спасение" от социальных бедствий.

Но при всем этом Писарев и здесь остается во власти идеалистического представления о том, что перемены в жизни людей определяются в конечном счете развитием знания, победой знания над незнанием и предрассудками. Роль условий жизни и труда сводится при этом лишь к роли факторов, способствующих формированию новых идей, распространение и усвоение которых предопределяет последующие изменения форм труда и быта.

Д.И. Писарев. Ю. Сорокин filosoff.org

Общественно-политические взгляды Писарева не только отражают общую слабость домарковского материализма, но в некоторых отношениях оказываются позади воззрений Чернышевского и Добролюбова. В статье "Исторические идеи Огюста Конта" это проявляется и в недостаточно критическом отношении к общей концепции Конта и в попытках перенести основные выводы теории Дарвина на истолкование исторических явлений. Писарев утверждал здесь (как и в статье "Посмотрим!"), что дарвиновский принцип естественного подбора "без сомнения, произведет переворот не только в ботанике и в зоологии, но и в понимании истории". {д. И. Писарев, Сочинения, изд. 5, т. V, СПб. 1911, стр. 328.} В этом сказалось то преувеличение роли естественных наук в развитии человеческого общества, которое составляет особенность мировоззрения Писарева в 1864-1865 годы, когда он выступил со своей "теорией реализма".

* *

*

Развивая "теорию реализма", Писарев стремился обрисовать программу ближайших действий молодого поколения в сложившейся к середине 1860-х годов в России исторической обстановке.

Развернутое изложение эта теория нашла в статье "Реалисты", относящейся к концу 1864 года. Слово "реализм", начиная еще с философских работ Герцена, нередко служило обозначением материализма. Но в своих статьях 1864-1865 годов Писарев вкладывает в этот термин еще и особый, специфический смысл. Быть реалистом для него означало, действуя в соответствии с особенностями обстановки, постепенно добиваться изменений социальной жизни, подготовить условия для коренного преобразования.

Писарев ставит вопрос о двух формах исторического развития, социальных преобразований. "Иногда, - пишет он, - общественное мнение действует на историю открыто, механическим путем. Но кроме того, оно действует еще химическим образом, давая незаметно то или другое направленно мыслям самих руководителей". Механический путь - это путь революционного переворота, непосредственного действия масс, решительное изменение существующего строя. Химический путь - это путь медленной, но неуклонной подготовки сознания общества к коренным общественным переменам, путь эволюции. Из всего контекста статьи Писарева ясно, что в условиях того времени он признает реальным второй, химический путь, считает, что "химический путь" преобразования общества еще непосредственно не может выступить на сцену.

Некоторые исследователи делали отсюда вывод, что в результате спада демократического движения к середине 1860 годов Писарев стал типичным реформистом, порвал с революционно-демократическими взглядами. Это, конечно, неправильно и опровергается материалами произведений Писарева.

Как мы видели, даже в годы наибольшего размаха крестьянского движения у Писарева были сомнения в готовности масс к решительному и широкому революционному выступлению. Эти сомнения лишь укрепились в обстановке спада волнений в стране. Но при всем том демократизм Писарева в эти годы стал более зрелым. Писарев все большее внимание, как мы видели, уделяет движению масс и его роли в развитии общества. Все сильнее выступают в его произведениях критика капитализма и проповедь социалистических взглядов. Он никогда не отвергал необходимости народной революции, и именно в эти годы он особенно остро и резко критикует либералов, отвергающих в принципе путь революции.

Сам Писарев настойчиво подчеркивал демократическую направленность "теории реализма". "Приобретенный (мыслящими реалистами. - Ю. С.)... запас свежей энергии и новых умственных сил, - писал он в "Реалистах", отправляется все-таки вниз по течению, в то живое море, которое называется массою и в которое тел или другим путем, рано или поздно, вливаются, подобно скромным ручьям, или бурным потокам, или величественным рекам, все наши мысли, все наши труды и стремления". Коренное изменение условий жизни и труда масс является, по Писареву, основной задачей дальнейшего развития. Он говорит в "Реалистах" об идее "общечеловеческой солидарности", а это было у него подцензурным обозначением социалистических тенденций.

В "Реалистах" Писарев коснулся и видимого противоречия между теми конечными целями, которые он ставил перед общественным движением, и конкретными

Д.И. Писарев. Ю. Сорокин filosoff.org

путями к достижению этих целей в тогдашних условиях. "Начал я, говорится в "Реалистах", - с общечеловеческой солидарности, а кончил тем практическим заключением, что нам, русским реалистам, можно только осмеивать потихоньку наши мелкие глупости и медленно учиться... самым элементарным истинам строгой науки. Какое торжественное начало и какой мизерный конец!" И далее, говоря о препятствиях быстрому проникновению демократических идей в общество, Писарев делает вывод: "Великая и плодотворная идея должна пристроиться к самому мелкому практическому применению, и только при этом условии она может, с грехом пополам, проникнуть в сознание лучшего меньшинства нашей читающей публики".

Значит, решение ограничить программу действий демократических сил в эти годы было у Писарева не отступлением его от общих принципов демократического движения, а своеобразной тактической линией. Что же объясняет такую тактическую линию? Мы уже говорили о трудной политической обстановке, сложившейся к середине 1860-х годов в России. Однако были и другие, более общие причины, заставившие Писарева искать новых, более верных путей к достижению поставленных целей.

Писарев много в эти годы думал о предшествующем историческом опыте борьбы масс против угнетения. Он подчеркивал при этом, что все предшествовавшие перемены в жизни общества, каково бы ни было их историческое значение, не привели к уничтожению эксплуатации трудящихся масс, присвоения чужого труда. "Переворотов в истории было очень много, писал он (в статье "Реалисты"), - падали и политические и религиозные формы; но господство капитала над трудом вышло из всех переворотов в полнейшей неприкосновенности". Писарев остро чувствовал кризис буржуазной демократии на Западе. Но он еще не видел того революционного класса, который должен покончить со всякими формами социального угнетения.

Писарев остро переживал и кризис утопического социализма. "Рецептов предлагалось много, - писал он по этому поводу, заканчивая "Очерки из истории труда", - но до сих пор ни одно универсальное лекарство не приложено к болезням действительной жизни". Два года спустя, в статье "Посмотрим!", Писарев вновь возвращается к этому. "Крайнее разногласие положительных проектов показывает... ясно, что решить общественную задачу чрезвычайно трудно. До сих пор никто еще не может утверждать наверно, что теоретическое решение задачи действительно найдено" (курсив Писарева. - Ю. С.).

Стремясь осмыслить предшествующие неудачи в разрешении социальных вопросов, Писарев объясняет их двумя обстоятельствами. Он указывает, во-первых, на то, что трудящиеся массы были задавлены нищетою и непосильным трудом, что им недоставало политической зрелости, что они были оторваны от знания и не смогли сами найти путь избавления от нищеты и угнетения. "До сих пор масса была всегда затерта и забыта в действительной жизни", - говорит Писарев в статье "исторические эскизы". {Д. И. Писарев, Сочинения, изд. 5, т. III, СПб. 1912, стр. 114.} Он подчеркивает, во-вторых, что представители "образованных классов" далеки от народа, оторваны от труда и чужды его интересам. Над современным обществом тяготеет "гибельный разрыв между трудом мозга и трудом мускулов". Главная задача, по Писареву, и состоит в том, чтобы прежде всего устранить этот разрыв, соединить труд и знание. В этом общем выводе Писарева нельзя не видеть силы его мысли. Он не верит в филантропию. "Вряд ли возможно малейшее сомнение, - говорится в статье "Школа и жизнь" (1865) по поводу рабочего вопроса, - насчет того пункта, что... он разрешится не какими-нибудь посторонними благодетелями и покровителями, а только самими работниками, когда к их рабочей силе, практической сметливости и трудолюбию присоединится ясное понимание междучеловеческих отношений и уменье возвышаться от единичных наблюдений до общих выводов и широких умозаключений". {Там же, т. IV, СПб. 1910, стр. 587.} Таким образом, Писарев выдвигает в качестве важнейшей задачи внесение сознания в массы трудящихся.

Но непосредственное обращение с пропагандой знания к массам, в силу их задавленности, нищеты и невежества, еще не может принести реальных плодов и легко вырождается на практике в убогую филантропическую затею. Поэтому первоочередная задача состоит, по Писареву, в том, чтобы распространить в "образованных классах" правильный взгляд на труд, на отношения между людьми.

О каких представителях "образованных классов" идет при этом речь? В
Страница 23

д.и. Писарев. ю. Сорокин filosoff.org

отдельных статьях 1864 года (в "Цветах невинного юмора", отчасти и в "Реалистах") у Писарева нашла себе место надежда на "перевоспитание" определенного круга молодых представителей господствующего класса, способных понять нужды трудящегося большинства. Но в дальнейшем Писарев уже не высказывает подобных упоминаний. Всю надежду он возлагает на тот круг людей, кого он образно называет "мыслящим пролетариатом". Это - выходцы из демократических низов и средних общественных слоев, ценой труда и лишений получившие доступ к культуре, знанию. Это - те представители демократической молодежи, разночинцы, которые по живым впечатлениям знают о действительных нуждах трудящегося большинства, близки к нему, понимают его, глубоко симпатизируют ему. Именно они должны, по Писареву, взять на себя задачу соединения знания и труда. Выдвигая в качестве первоочередной задачи пропаганду действительного знания в кругах мыслящей молодежи, Писарев указывал на два принципа, которые должны быть положены при этом в основу. Это прежде всего - "идея общечеловеческой солидарности", то есть все усилия при этом должны быть направлены на поиски путей освобождения труда от эксплуатации. Во-вторых, эта пропаганда может быть успешной лишь в том случае, если она будет подчинена принципу "экономии сил". Это последнее требование приобрело для Писарева особое значение: в условиях невежества и нищеты, распространенных в обществе, не всякие распространяемые знания могут прямо вести к намеченной цели. Необходимо поэтому сосредоточить максимум усилий на разработке и пропаганде знаний, наиболее полезных для общества, для разрешения вопроса о труде. На первом плане при этом оказывались по причинам, о которых уже говорилось выше, выводы естественных наук. Именно на проведении их в сознание мыслящей части общества и нужно было, по Писареву, сосредоточить, в первую очередь, максимум сил. Таков был его ответ на вопрос о том, что нужно было делать в сложившихся условиях и как делать.

Противоречивой была "теория реализма" Писарева. Опираясь на идею "общечеловеческой солидарности", на неразличимо сливающиеся идеи демократизма и социализма, он придавал распространению естественнонаучных знаний особенное, решающее значение в поисках выхода из мира нищеты и эксплуатации. Этот вывод, как мы уже говорили, был проявлением просветительства, носил иллюзорный характер.

* *

*

Разрабатывая "теорию реализма", Писарев большое внимание уделил вопросам эстетики. Оценивая значение различных искусств, он исходил из основных принципов этой теории - "общечеловеческой солидарности" и "экономии сил". Понять эстетические взгляды Писарева этого периода можно, лишь учитывая противоречивый характер его "теории реализма".

"Разрушение эстетики" - так назвал одну из своих статей Писарев. Некоторые критики склонны были буквально понимать эти слова и видеть в Писареве легкомысленного разрушителя эстетики, отрицателя искусства. Это, конечно, неправильно.

Нельзя упускать из виду характерных особенностей фразеологии Писарева. Писарев в 1864-1865 годах не раз пользуется словом "эстетика" как своеобразным синонимом слов - идеализм, фразерство, рутина и т. д. Но нетрудно заметить, что острье этой полемики Писарева по поводу "эстетики" направлено против идеалистической эстетики и реакционных направлений в литературе и искусстве. Разоблачение их составляет одну из основных тем критики Писарева этого периода; он последовательно выступает против всяких попыток превратить искусство и литературу в пустую забаву, оторвать их от действительности, от народа. Он раскрывает антидемократический смысл теорий, проповедующих "чистое", "бесцельное" творчество. В этом отношении Писарев талантливо продолжал дело, начатое в русской критике Белинским, Чернышевским и Добролюбовым.

Уже в статьях 1861-1862 годов он проводил мысль о важном общественном значении литературы, решительно выступал против науки и искусства "для немногих". "Что за наука, которая по самой сущности своей недоступна массе? Что за искусство, которого произведениями могут наслаждаться только немногие специалисты?.. - говорилось в "Схоластике XIX века". - Если наука и искусство мешают жить, если они разъединяют людей, если они кладут основание кастам, так и бог с ними, мы их знать ее хотим; но это неправда".

Писарев высоко ценил реализм и народность в литературе, отмечал заслуги русской реалистической литературы в воспроизведении характерных, типических явлений жизни русского общества. "На изящную литературу, - писал он в той же статье, - нам решительно невозможно пожаловаться; она делает свое дело добросовестно и своими хорошими и дурными свойствами отражает с дагерротипической верностью положение нашего общества".

С развитием демократизма Писарева его взгляд на литературу становится еще строже и определенее. Он требует от нее теперь не только отражения "с дагерротипической верностью" положения общества, но и глубокого сочувствия и ясного понимания того, от чего зависит дальнейшее развитие общества, сознательного служения интересам общества. В этом смысле Писарев прежде всего и говорил в статьях 1864–1865 годов о пользе, которую должна приносить литература. Эти слова Писарева о "пользе" не раз давали повод к обвинениям его в грубом утилитаризме, игнорирующем специфику искусства и литературы. Отводя эти обвинения, Писарев в "Реалистах" замечает: "Слово "польза" мы принимаем совсем не в том узком смысле, в каком его навязывают нам наши литературные антагонисты. Мы вовсе не говорим поэту: "шей сапоги", или историку: "пеки кулебяки", но мы требуем непременно, чтобы поэт, как поэт, и историк, как историк, приносили, каждый в своей специальности, действительную пользу".

Строгое и резче становятся у Писарева в годы "теории реализма" оценки отдельных писателей и произведений литературы. Некоторые из этих оценок были неисторичными, ошибочными. Но за всем этим нельзя не видеть стремления Писарева оценить явления литературы с демократических позиций. Не пренебрежением к литературе вызваны эти резкие и иногда ошибочные мнения, а искренним, хотя и не всегда правильно формулированным стремлением Писарева подчеркнуть ответственную роль литературы в деле воспитания молодого поколения. "Поэт – или великий боец мысли, бесстрашный и безукоризненный "рыцарь духа"... или же ничтожный паразит, потешающий других ничтожных паразитов мелкими фокусами бесплодного фиглярства. Середины нет. Поэт – или титан, потрясающий горы векового зла, или же козявка, копающаяся в цветочной пыли", – говорит он в статье "Реалисты". Это звучит резко и безоговорочно. Но эта страсть Писарева продиктована его убеждением в великом общественном значении литературы, она направлена против различных проявлений общественного индифферентизма в литературе. "Истинный, "полезный" поэт, говорил Писарев, – должен знать и понимать все, что в данную минуту интересует самых лучших, самых умных и самых просвещенных представителей его века и его народа". Сравнивая высказывания Писарева о литературе в его статьях 1861 года, с одной стороны, и в статьях 1864–1865 годов – с другой, нельзя не увидеть роста Писарева как демократического критика. В "Схоластике XIX века" Писарев еще скептически отнесся к спору между сторонниками чистого искусства и "реальной критикой" добролюбова, требовавшей от писателя сознательного служения обществу. Хотя Писарев и тогда уже подчеркивал общественное значение литературы и отрицал "чистое искусство", однако он, отстаивая освобождение личности от всех навязанных ей извне стеснений, еще готов был видеть в стремлении критики "наталкивать художника на какую-нибудь задачу" посредничество на личную свободу художника. Тогда он полагал, что "замечательный поэт откликнется на интересы века не по долгу гражданина, а по невольному влечению, по естественной отзывчивости".

Позднее, в период "реализма", Писарев уже прямо утверждает право критики "наталкивать" писателя на освещение и разрешение определенных общественных вопросов.

Писарев и теперь, конечно, остается врагом грубой и поверхностной тенденциозности в литературе. "Запросы" и "интересы" века должны быть глубоко пережиты и поняты художником. Только при этом условии может явиться подлинно реалистическое произведение, волнующее читателя. Характерно, что Писарев на протяжении всей своей критической деятельности высказывал свое отрицательное отношение к поверхностно-тенденциозной либерально-«обличительной» литературе 1850-х годов. Но он ставит теперь задачу сознательного воспитания в писателе гражданских стремлений, требует от писателей, чтобы они принимали участие в общественной борьбе, откликаясь на запросы времени.

В статьях 1861 года, в соответствии с тогдашней идейной программой Писарева, как мы видели, выдвигалась перед литературой исключительно задача критического отношения к действительности. В статьях 1864–1865 годов,

Д.И. Писарев. Ю. Сорокин filosoff.org

признавая по-прежнему важнейшей задачей литературы критику и обличение старого, Писарев выдвигает перед передовой литературой и задачу освещения пути к лучшему будущему, задачу создания образа активного положительного героя, борца за народное дело, деятеля нового типа. Центральное место в критике Писарева теперь занимает анализ этого "нового типа", его истолкование. Базаров, а затем и Рахметов, становятся подлинными героями для Писарева. Здесь сказалось не только развитие мировоззрения самого Писарева, но и развитие демократической литературы. К этому времени уже появились роман Чернышевского "Что делать?", повести Помяловского, "Трудное время" Слепцова. "Новый тип" - человек шестидесятых годов - получил в них ясные очертания, был обрисован с большой художественной силой. Задача передовой критики состояла в том, чтобы всесторонне охарактеризовать этот тип, показать его историческое значение. Писарев эту задачу блестяще выполнил в таких статьях, как "Реалисты", "Роман кисейной девушки", "Подрастающая гуманность" и особенно в статье "Мыслящий пролетариат".

Лучшие из статей Писарева и сейчас остаются образцами критики высокой идейной, целеустремленной, вдумчивой и чуткой к особенностям творчества писателя. В произведениях литературы критик искал прежде всего отражение явлений самой жизни, от анализа литературных образов и ситуаций шел к анализу действительности. Он умел сочетать анализ произведения с постановкой важных вопросов общественной жизни, тесно соединять литературную критику с боевой публицистикой. Нередко литературно-критическая статья становилась произведением подлинно программным. В этом смысле особенно показательна статья "Реалисты", где мастерской анализ "Отцов и детей" и характеристика их героя органически связаны с определением задач демократического движения, с изложением идейной программы самого критика.

Одну из насущных задач критики Писарев видел в оценке литературного наследия. "Задача реалистической критики в отношении ко всей массе литературных памятников, оставленных нам отжившими поколениями, состоит именно в том, чтобы выбрать из этой массы то, что может содействовать нашему умственному развитию". Писарев в ответ на обвинение со стороны его противников в нигилистическом отношении к литературному наследию заявлял: "Я отношусь с глубоким и совершенно искренним уважением к первоклассным поэтам всех веков и народов".

Знакомству с замечательными произведениями русской и мировой литературы Писарев отводил важное место в процессе формирования "мыслящего реалиста". "Каждому человеку, желающему сделаться полезным работником мысли, - пишет он в "Реалистах", - необходимо широкое и всестороннее образование". В статьях 1864-1865 годов он не раз указывает на тех писателей, без знакомства с творчеством которых "останутся непонятными настоятельные потребности и накопившиеся со всех сторон задачи нашей собственной мысли". Здесь мы встречаем имена Шекспира, Байрона, Гете, Шиллера, Гейне и Мольера, а из русских писателей - Грибоедова, Крылова, Пушкина, Гоголя и др.

Но особенно внимателен был Писарев к явлениям современной ему литературы. "у реалистической критики, - писал он по этому поводу в "Реалистах", - есть и другая задача, может быть еще более серьезная. Делая строгую оценку литературным трудам прошедшего, она должна еще внимательнее и строже следить за развитием литературы в настоящем". "Чрезвычайно полезными работниками нашего века", называет Писарев таких писателей своего времени, как Некрасов, Тургенев, Диккенс, Гюго. А в его устах это была самая высокая похвала.

В критике Писарева этих лет нашли тонкое и вдумчивое истолкование такие различные произведения русской литературы его времени, как "Отцы и дети" Тургенева ("Реалисты"), "Что делать?" Чернышевского ("Мыслящий пролетариат"), произведения Л. Толстого ("Промахи незрелой мысли"), повести Помяловского "Мещансское счастье" и "Молотов" ("Роман кисейной девушки") и его же "Очерки бурсы" ("Погибшие и погибающие"), "Трудное время" Слепцова ("Подрастающая гуманность") и "Записки из мертвого дома" Достоевского ("Погибшие и погибающие"). Эти статьи свидетельствуют о замечательном критическом такте Писарева, о его умении правильно понять и оценить произведения современной ему литературы. Вместе с самими произведениями, вызвавшими их, эти статьи пережили свою эпоху и сейчас еще служат замечательным комментарием к ним.

Особенно выделяется по тому общественному значению, которое она получила,

Д.И. Писарев. Ю. Сорокин filosoff.org
статья "Мыслящий пролетариат". Это, бесспорно, наиболее яркий из всех критических откликов на роман "Что делать?". Несмотря на цензурные рогатки, Писареву удалось показать революционный смысл романа, значение образа Рахметова как революционного борца. Правда, сближение Рахметова с Базаровым, проводимое в этой статье, давало повод некоторым литературоведам упрекать Писарева в том, что он не понял революционного смысла романа. Но при внимательном рассмотрении сближение этих образов в статье Писарева скорее дает основание утверждать, что Писарев, очищая образ Базарова от тех темных штрихов, которые были наложены на него Тургеневым, видел и в нем типичного представителя демократических сил. Писарев определенно говорит о Рахметове как революционере. "В общем движении событий, - писал он, - бывают такие минуты, когда люди, подобные Рахметову, необходимы и незаменимы; минуты эти случаются редко и проходят быстро, так что их надо ловить на лету и ими надо пользоваться как можно полнее. Я говорю о тех минутах, когда массы, поняв или по крайней мере полюбив какую-нибудь идею, воодушевляются ею до самозабвения и за нее готовы идти в огонь и в воду... Те Рахметовы, которым удается увидеть на своем веку такую минуту, развертывают при этом случае всю сумму своих колоссальных сил; они несут вперед знамя своей эпохи, и уже, конечно, никто не может поднять это знамя так высоко и нести его так долго и так мужественно, так смело и так неутомимо, как те люди, для которых девиз этого знамени давно заменил собою и родных, и друзей, и все личные привязанности, и все личные радости человеческой жизни". В статье "Мыслящий пролетариат" Писарев показал величие образа революционера, отдающего все свои силы народному делу.

В статье "Подрастающая гуманность", опубликованной в том же 1865 году, он развенчал тип буржуазного либерала. Характеризуя образ помещика Щетинина из повести Слепцова "Трудное время", Писарев показывает, насколько непримиры интересы труженика и эксплуататора, как жалки попытки людей типа Щетинина совместить идеалы "образцового хозяина", заботящегося о собственных доходах, и "доброго" помещика-благодетеля.

Характерно умение Писарева в ходе критического анализа подниматься до самых широких теоретических обобщений. В статье "Промахи незрелой мысли" Писарев, разбирая произведения Толстого и раскрывая беспочвенность и бесперспективность мечтаний Иртеньева и Нехлюдова, противопоставляет мечте пассивной, находящейся разладе с действительностью, мечту деятельную, исходящую из анализа действительности, мечту, которая "может обгонять естественный ход событий". "Если бы человек был совершенно лишен способности мечтать таким образом, - пишет критик, - если бы он не мог изредка забегать вперед и созерцать воображением своим в цельной и законченной красоте то самое творение, которое только что начинает складываться под его руками, тогда я решительно не могу себе представить, какая побудительная причина заставляла бы человека предпринимать и доводить до конца обширные и утомительные работы, в области искусства, науки и практической жизни... Разлад между мечтою и действительностью не приносит никакого вреда, если только мечтающая личность серьезно верит в свою мечту, внимательноглядывается в жизнь, сравнивает свои наблюдения с своими воздушными замками и вообще добросовестно работает над осуществлении своей фантазии". Это образец диалектически-глубокой постановки вопроса о соотношении между теoriей и действительностью. Писарев был врагом беспочвенного фантазерства, но не менее страстно выступает он против бескрылого эмпиризма, раболепствующего перед отдельным фактом, не поднимающегося до обобщений, не стремящегося увидеть перспективу исторического развития. Характерно, что, приводя примеры мечты деятельной, Писарев на первое место ставит тех мечтателей-социалистов, которые стремились "пересоздать всю жизнь человеческих обществ". Как известно, В. И. Ленин в своей работе "Что делать?" приводит эти рассуждения Писарева о значении деятельной мечты, выступая против оппортунизма в рабочем движении.

Не менее яркий пример глубокого обобщения материалов действительности дает и статья "Погибшие и погибающие". Оригинален замысел этой статьи: из сравнения жизни учеников бурсы, изображенных у Помяловского, с жизнью каторжан, о которых рассказывают "Записки из мертвого дома", вырастает здесь обобщенная картина гнетущих условий существования и развития народных сил и народного сознания в царской России.

* *

*

Но в статьях Писарева отразились и серьезные противоречия его взглядов на литературу и искусство, характерные для этого периода его деятельности. В некоторых общих вопросах эстетики он не мог удержаться на уровне воззрений Чернышевского и пришел к выводам парадоксальным и несправедливым.

Одним из таких выводов явилось утверждение, что при дальнейшем развитии знаний эстетика как наука о прекрасном должна исчезнуть, растворившись в физиологии. Основой эстетических взглядов Писарев еще в "Схоластике XIX века" считал субъективные вкусы, не видя здесь возможности открыть общие закономерности и оставляя на долю физиологии объяснение различных эстетических склонностей людей особенностями в развитии и функционировании организма. В этом смысле очень показателен ход рассуждений Писарева в статье "Разрушение эстетики", явившейся непосредственным откликом на переиздание в 1865 году знаменитой работы Чернышевского "Эстетические отношения искусства к действительности".

Писарев подчеркивает материалистическую направленность диссертации Чернышевского. Он солидарен с Чернышевским в борьбе против идеалистической эстетики, стремившейся противопоставить действительности отвлеченному сферу "прекрасного". Но Писарев на этом не останавливается. Ему представляется, что Чернышевский, встав на путь отрицания "чистого искусства" и рассматривая искусство как воспроизведение общеинтересного в жизни, должен был неизбежно прийти к отрицанию науки о прекрасном. "Эстетика, или наука о прекрасном, заявлял Писарев, - имеет разумное право существовать только в том случае, если прекрасное имеет какое-нибудь самостоятельное значение, независимое от бесконечного разнообразия личных вкусов. Если же прекрасно только то, что нравится нам, и если вследствие этого все разнообразнейшие понятия о красоте оказываются одинаково законными, тогда эстетика рассыпается в прах". Нетрудно заметить, что Писарев не понял и метафизически истолковал одно из основных положений эстетического учения Чернышевского.

На этот односторонний и неверный подход Писарева к эстетическому учению Чернышевского указал Г. В. Плеханов в работе "Эстетическая теория Н. Г. Чернышевского". Чернышевский, конечно, не думал о разрушении эстетики. Он лишь опровергал идеалистическую эстетику с присущим ей понятием прекрасного как самодовлеющей ценности, оторванной от реальной действительности. Чернышевский показал объективность прекрасного, то, что "прекрасное, несомненно, имеет самостоятельное значение, совершенно независимое от бесконечного разнообразия личных вкусов". {Г. В. Плеханов, Искусство и литература, М. 1948, стр. 414.} Это самостоятельное значение прекрасного определяется наличием прекрасного в самой жизни. Прекрасное в искусстве является воспроизведением прекрасного в жизни, его отражением. Для Чернышевского эстетика была не наукой о прекрасном, а "теорией искусства, системой общих принципов искусства вообще и поэзии в особенности"; центральный вопрос этой теории - вопрос об отношениях искусства к действительности.

Перенося ударение в эстетике на вопрос об индивидуальных вкусах, Писарев допускал теоретическую ошибку субъективистского характера. Чернышевский указывал, что люди имеют далеко не одинаковое понятие о красоте, что их эстетические вкусы и склонности объясняются их различным положением в обществе, различными условиями воспитания и т. д. Но Чернышевский не сводил при этом дело к вопросу о вкусах, о которых, по известной поговорке, "не спорят". Он при этом ставил вопрос об истинном, действительном критерии прекрасного. Представления о прекрасном у людей различны, но не все эти представления одинаково верны. Прекрасное для Чернышевского - не только субъективная категория, оно имеет корни в действительности. Суждение о прекрасном в искусстве предполагает его соотнесение с действительностью, ибо предметом искусства является жизнь.

Рассматривая эстетику как общую теорию искусства, Чернышевский считал ее самостоятельной наукой, имеющей важное общественное значение. Ошибочно сводя эстетику, как науку о прекрасном, к вопросу о вкусах, Писарев делал неправильный вывод, что "эстетика, как наука, становится такою же нелепостью, какою была бы, например, наука о любви", что эстетика будто бы "исчезает в физиологии и в гигиене".

Нельзя не заметить при этом, что Писарев в своих конкретных суждениях о литературе оказывался на большей теоретической высоте, чем в общих

д.и. Писарев. ю. Сорокин filosoff.org
рассуждениях о предмете эстетики. Центральным в его критических статьях является ведь именно вопрос об отношении того или иного произведения литературы к действительности, об объективном общественном значении и назначении художественного произведения. Но теоретические ошибки Писарева в вопросах эстетики наглядно проявились в его отношении к различным видам искусства.

Признавая литературу "великой общественной силой", Писарев в этот период не признавал общественного значения других искусств - живописи, скульптуры, театра, музыки. "Я чувствую к ним глубочайшее равнодушие, признавался он в статье "Реалисты". - Я решительно не верю тому, чтобы эти искусства каким бы то ни было образом содействовали умственному или нравственному совершенствованию человечества". Отсюда - постоянные в эти годы у Писарева иронические сопоставления искусства Бетховена, Рафаэля, Моцарта и Рембрандта с "искусством" шахматного игрока, повара или бильярдного маркера. Музыке и изобразительным искусствам Писарев отводил чисто прикладную роль, не признавая за ними познавательной ценности. В этом смысле, "поправляя" Чернышевского, Писарев также существенно разошелся с ним. Чернышевский, разбирая в своей диссертации вопрос о специфике различных видов искусства, также отмечал первенствующее значение поэзии, литературы. Но из этого он не делал относительно других искусств того вывода, что они не имеют значения в общественной жизни человека. Выступая против идеалистической эстетики, против взгляда на искусство как на чистое наслаждение, отрешенное от насущных интересов действительности, Писарев в оценке изобразительных искусств и музыки по существу сам становился на эту точку зрения, считая, что вопрос о значении живописи, музыки и т. п. сводится только к вопросу о наслаждении, которое может получать от них воспринимающий субъект.

В таком подходе к этим искусствам проявились и характерные для "теории реализма" Писарева черты утилитаризма, указанное выше требование "экономии сил", которое он выдвигал в эти годы. Писарев считал непроизводительным в условиях нищеты и невежества тратить силы общества на развитие живописи, музыки и т. д. Писарев при этом выступает прежде всего против стремления господствующих классов превратить эти искусства в "барскую забаву", в "источник чистого наслаждения". Его возмущают те вопиющие контрасты, когда на фоне нищеты, закабаления и невежества масс являются пышные дворцы, художественные академии, культивирующие искусство, оторванное от жизни, от народа, удовлетворяющие прихотям эксплуататорских классов. В этом сила нападок Писарева на современную ему буржуазно-дворянскую живопись, музыку, театр и т. д. Но, увлекаясь, он готов вообще отказаться от помощи этих искусств в общем развитии демократического движения, не замечает развития народности и реализма в живописи, музыке, театре его времени.

Таким образом, эстетические взгляды Писарева отличаются явной противоречивостью. В них сочетаются глубокие демократические тенденции, имевшие большое значение для развития литературы в искусства, с серьезными ошибками в разрешении общих вопросов эстетики. Эти ошибки проявились и в литературно-критической деятельности Писарева.

В 1865 году Писарев опубликовал две статьи, объединенные под общим названием: "Пушкин и Белинский". Эти две статьи, которые нельзя отбросить при общей характеристике литературно-критических взглядов Писарева, дают резко полемическую, глубоко несправедливую и предвзятую оценку творчества поэта.

Появление их в "Русском слове" не было неожиданностью. Для литературной критики "Русского слова" характерно в эти годы стремление подвергнуть радикальной переоценке творчество Пушкина и Лермонтова. В 1864 году молодой критик журнала В. А. Зайцев выступил с рецензией, в которой нигилистически оценивал поэзию Лермонтова как "порождение" легкомысленного дворянского скептицизма, как одно из явлений "чистого искусства". В статье "Реалисты" Писарев мимоходом солидаризировался с такой оценкой Лермонтова и уведомлял своих читателей, что он вскоре даст развернутую переоценку творчества Пушкина с точки зрения "реальной критики".

Статьи Писарева о Пушкине вызвали при своем появлении шумный отклик. Одних они увлекали своими парадоксальными и прямолинейными выводами, других отталкивали как глумление над творчеством великого поэта. Было бы, конечно, совершенно неправильно отнестись к ним как к обычным литературно-критическим статьям. Резко полемический их характер,

д.и. Писарев. ю. Сорокин filosoff.org
подчеркнуто неисторический подход к творчеству Пушкина, попытка подойти к Онегину и к другим героям Пушкина с меркой Базарова – говорят о другом. Статьи были задуманы как наиболее сильный выпад против "эстетики", то есть "чистого искусства", как один из актов пропаганды "реального направления". Писарев взглянул на Пушкина как на "кумир предшествующих поколений". Свергнуть этот "кумир" означало для Писарева – ослабить влияние "чистой поэзии" на молодежь и привлечь ее на путь "реализма".

Нельзя не отметить противоречий в отношении Писарева к Пушкину и его творчеству. Как мы уже отмечали, в статьях 1864 года ("Кукольная трагедия с букетом гражданской скорби", "Реалисты") Писарев причислял Пушкина к кругу тех писателей, знакомство с творчеством которых совершенно необходимо для "мыслящего реалиста", и вместе с тем уже в той же статье "Реалисты" он выступает против взгляда на Пушкина как на великого поэта, основоположника новой русской литературы. Основоположником русской реалистической литературы Писарев признает Гоголя; Пушкина же он считает предшественником и родоначальником школы поэтов "чистого искусства", то есть тех "наших милых лириков", по ироническому выражению Писарева, к числу которых он относил Фета, А. Майкова, Полонского и др.

Статьи Писарева о Пушкине нельзя рассматривать вне связи с тем спором о пушкинском и гоголевском направлениях в русской литературе, который развернулся еще в критике 1850-х годов. Реакционная и либеральная критика 1850-1860-х годов (Дружинин, Анненков, Катков и др.) пыталась противопоставить Гоголю, как представителю критического реализма, Пушкина. Творчество Пушкина при этом должно истолковываться как проявление "чистой поэзии", далекой от "злобы дня", от живых интересов современности; критики этого направления твердили о примирении Пушкина с действительностью, об идеализации, "очищении" и "облагорожении" жизни в его творчестве. Эти критики вели полемику с основными выводами известной работы Чернышевского "Очерки гоголевского периода русской литературы", с выводами критических статей Белинского. Но ни Белинский, ни Чернышевский и Добролюбов не противопоставляли Гоголя Пушкину. Они подчеркивали актуальное значение критического реализма и в связи с этим отмечали, что в творчестве Пушкина это критическое направление еще не нашло своего полного развития. Чернышевский и Добролюбов говорили о том, какое решающее значение для развития критического реализма в нашей литературе имели творчество Гоголя и деятельность Белинского. Но творчество Пушкина революционно-демократическая критика оценивала как очень важный и при этом исторически необходимый этап в развитии русской литературы, в развитии в ней реализма, народности и гуманных идей. Белинский, а затем Чернышевский и Добролюбов указывали на то, что Пушкин открыл "поэзию действительности", создал образцы подлинно художественного воспроизведения жизни.

Писарев же некритически отнесся к противопоставлению Пушкина и Гоголя в реакционной и либеральной критике 1850-1860 годов. Встав на защиту "гоголевского направления", он осудил Пушкина как представителя "чистой поэзии". "Имя Пушкина, – писал он, – сделалось знаменем неисправимых романтиков и литературных филистеров". Таким образом, борясь с реакционной критикой, но при этом подходя к творчеству Пушкина с неисторичееких позиций, Писарев сам оказался во власти характерных для этой критики искусственных противопоставлений. Отсюда – непонимание той социальной подоплеки, которая скрывалась за противопоставлением "поэта" и "черни" у Пушкина. Это противопоставление выражало острую враждебность Пушкина к придворной черни, к аристократии, к тем, кто пытался навязать свободолюбивому поэту реакционные тенденции. Писарев же понял это противопоставление в том духе, как его разъясняли представители идеалистической критики и "чистой поэзии", – как спор между общественно индифферентным поэтом и народом, демократией. Отсюда и шаржированное воспроизведение у Писарева пушкинских героев Онегина, Татьяны, Ленского. Критическая интерпретация этих образов уступает место в статьях Писарева созданию злых карикатур на типичных представителей дворянской и мещанской среды 1860-х годов. Онегин превращается при этом в пустого щеголя, пошлого фразера и избалованного барина, Татьяна – в своеобразную "кисейную барышню" с глупыми мечтами, предрассудками и мещанской манерой выражения. Отсюда, наконец, отождествление самого Пушкина с Онегиным (следует отметить, что тот же прием применяется в "Реалистах" и в отношении Лермонтова, который отождествляется с Печориным), искажение образа лирического героя в стихотворении Пушкина "19 октября". Писарев не жалеет бьющих в глаза красок, резких просторечных слов и выражений, предпринимая ироническую "перелицовку" многих поэтических страниц Пушкина.

В целом оценка Пушкина у Писарева представляет серьезный шаг назад по сравнению с Белинским, Чернышевским и Добролюбовым. В этом смысле интересно, как Писарев, например, "переводит на свой язык" известную мысль Белинского о том, что Пушкин впервые показал достоинство поэзии как искусства, что он дал ей "возможность быть выражением всякого направления, всякого созерцания", {В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. VII, М. 1955. стр. 320.} был художником по преимуществу. Для Белинского это утверждение означало, что Пушкин, достигнув полной свободы художественной формы, создал необходимые условия для дальнейшего развития реализма в русской литературе. Для Писарева же оно оказывается равносильным лишь утверждению, что Пушкин являлся "великим стилистом", усовершенствовавшим формы русского стиха.

В статьях Писарева о Пушкине выступает не только глубоко ошибочная, неисторическая оценка Пушкина, но и известная недооценка Белинского. Конечно, между отношением Писарева к Пушкину и отношением его к Белинскому существенная разница. К деятельности Белинского Писарев стремится подойти с исторической точки зрения, истолковать ее как определенный этап в развитии демократической мысли. Писарев с глубоким уважением относится к Белинскому как к основоположнику демократической литературной критики. Но многое во мнениях даже позднего Белинского он считает данью идеалистической эстетике. По мнению Писарева, Белинский в статьях: о Пушкине еще не смог до конца освободиться из-под влияния "гегельянщины". Как пропагандист "теории реализма" с присущими ей отдельными чертами радикального, но ограниченного просветительства и утилитаризма, он не сумел и в оценке Белинского удержаться на уровне Чернышевского и Добролюбова, не понял он до конца и значения статей Белинского о Пушкине. Но глубоко несправедливые в оценке Пушкина и односторонние в отношении Белинского, эти статьи Писарева содержат много метких и оструумных нападений на теорию "чистого искусства", на поэзию, отрешенную от жизни. В осмеянии этой теории, в обнажении реакционного смысла призывов к "чистой поэзии" большая заслуга принадлежит критике Писарева этих лет.

* *

*

С развитием "теории реализма" Писарева совпадает во времени длительная и резкая полемика между "Современником" и "Русским словом". Вспыхнувшая в самом начале 1864 года, она продолжалась почти до конца 1865 года. Эта полемика представляет важный эпизод в истории журналистики 1860-х годов, отражающий идеальные расхождения и противоречия в демократической литературе в период после окончания революционной ситуации. Реакционная и либеральная пресса, раздувая эти разногласия, поспешила оповестить читателей о "расколе в нигилистах". Резкость взаимных обвинений и осуждений в ходе этой полемики создавала впечатление назревающего разрыва между демократическими журналами. Однако сами участники полемики, как бы ни были серьезны и резки взаимные обвинения, никогда не отрицали того, что спор идет внутри одного лагеря, хотя спорившие стороны и очень различно оценивали очередные задачи своего направления.

Здесь нет необходимости входить во все детали полемики. Некоторые подробности о ней читатель найдет в самих статьях Писарева и в комментариях к ним. Если же отвлечься от частностей, от личных выпадов и непринципиальных обвинений, то основным в этой полемике следует признать вопрос об отношении к идеальному наследию Чернышевского и Добролюбова, о тактической линии демократического движения в новой обстановке середины 1860-х годов. Одним из существенных предметов спора явилась при этом как раз "теория реализма" Писарева.

По-разному сложилась судьба обоих журналов в эти годы. "Современник" лишился своих испытанных руководителей - Чернышевского и Добролюбова. общая линия редакции журнала в эти годы была менее последовательной, чем при Чернышевском и Добролюбове. В составе редакции, в кругу основных сотрудников журнала обнаружился недостаток единства. Помимо Некрасова, членами редакции и наиболее деятельными сотрудниками журнала были М. Е. Салтыков-Щедрин, М. А. Антонович, Г. З. Елисеев, Ю. Г. Жуковский, А. Н. Пыпин. В статьях не только молодого члена редакции Жуковского, который позднее стал одним из типичных представителей либерального народничества, но и в высказываниях М. А. Антоновича и Г. З. Елисеева имели место

д.и. Писарев. ю. Сорокин filosoff.org

отдельные ошибки, отклонения от линии Чернышевского. Характерно, что в конце 1864 года Салтыков-Щедрин выходит из редакции "Современника". Показательно также, что "Современник" теряет в эти годы некоторую долю влияния на демократического читателя, число его подписчиков сокращается.

Эти же годы следует признать временем наибольшего успеха "Русского слова" в читательской среде. Своим успехом журнал был обязан прежде всего деятельности Писарева. Но и "Русское слово", стоя в целом, как и "Современник", на революционно-демократических позициях, допускало серьезные ошибки. О противоречиях в мировоззрении Писарева говорилось выше. Но еще более противоречивую и во многом ошибочную позицию занимал молодой сотрудник журнала В. А. Зайцев. Путанными были его философские взгляды. Так, в одной из своих статей 1865 года Зайцев неправильно, примиренчески оценил субъективно-идеалистическую философию Шопенгауэра. Зайцев часто грешил вульгарно-материалистическим подходом к истолкованию явлений действительности. В политических взглядах Зайцева были также самые серьезнейшие отступления от революционно-демократической программы. С первых шагов своих в "Русском слове" он выразил неверие в революционную деятельность масс, отстаивал заговорщическую тактику, утверждая, что демократическая интеллигенция может действовать, не дожидаясь пробуждения политической сознательности масс и не считаясь с намерениями масс.

Полемика "Современника" с "Русским словом" открылась в самом начале 1864 года. В январской книге "Современника" за 1864 год (в очередном фельетоне из серии "Наша общественная жизнь") Щедрин выдвинул резкое обвинение по адресу редакции "Русского слова" в "понижении тона". Он резко критиковал отвлеченно-просветительские тенденции, выражавшиеся в публицистике "Русского слова", писал о том, что сотрудники "Русского слова" возлагают все свои надежды на науку, которая "все даст со временем", и забывают о "жизненных трепетаниях" (под "жизненными трепетаниями" подразумевались революционно-демократические традиции). Щедрин в очень резкой форме предостерегал "Русское слово" от дальнейшей эволюции в сторону либерализма. Наиболее сильный удар при этом наносился по Зайцеву. Взгляды последнего Салтыков-Щедрин охарактеризовал как "зайцевскую хлыстовщину". Но говоря о тех преувеличенных надеждах, которые возлагаются "Русским словом" на науку, Салтыков-Щедрин, конечно, имел в виду и высказывания Писарева, например в статье "Наша университетская наука". У Щедрина имели место и памфлетные характеристики основных сотрудников "Русского слова".

"Русское слово" в февральском номере 1864 года резко откликнулось на фельетон Щедрина. Одним из таких откликов была и статья Писарева "Цветы невинного юмора", специально посвященная разбору произведений Щедрина. Писарев в этой статье дает вызывающе резкую полемическую оценку произведений сатирика, стремится представить его как безобидного юмориста, который якобы является чужим, случайным человеком в "Современнике", в революционно-демократическом лагерей

Но статья "Цветы невинного юмора" еще не касается брошенных со стороны Щедрина обвинений по существу. Следующая статья Писарева - "Мотивы русской драмы" - более открыто и прямолинейно обрисовывает действительные расхождения между критикой "Русского слова" и "Современника". Не случайно три года спустя после появления статьи Добролюбова "Луч света в темном царстве" Писарев обращается в "Мотивах русской драмы" к разбору "Грозы" Островского. Оценивая характер Катерины, Писарев заявляет свое несогласие с основным выводом статьи Добролюбова. Он "развенчивает" Катерину, рассматривая ее как обычное, заурядное явление в темном царстве. Характерно, что на первый план при этом выступает опять Базаров, который прямо противопоставляется Катерине. Базарова, а не Катерину считает Писарев подлинным "лучом света в темном царстве". Основная задача времени, по Писареву, состоит в подготовке таких деятелей, которые смогут внести в общество правильные представления о народном труде и подготовить условия для коренного разрешения социальных вопросов.

Развернутым изложением общественной программы Писарева в ходе этой полемики явились его статья "Реалисты". Ее появление обострило полемику между журналами. Основным противником Писарева на этом ее этапе стал М. А. Антонович. "Теория реализма" вызвала резкие нападки в "Отечественных записках", "Эпохе" и других журналах того времени. Но то была критика взглядов Писарева с реакционных позиций. Писарев отвечал на нее в "Прогулке по садам Российской словесности" метким разоблачением программы этих журналов. Антонович же пытался подвергнуть решительной критике "теорию

Д.И. Писарев. Ю. Сорокин filosoff.org
реализма" за ее отступления от революционного демократизма. Писарев отвечал Антоновичу в той же "Прогулке по садам Российской словесности" и специально в большой статье "Посмотрим!". Полемика Писарева с Антоновичем сосредоточилась на вопросах о материализме, об отношениях между трудом и капиталом, о социализме. Существенное место заняли также вопросы эстетики и литературной критики.

Антоновичу в ходе полемики не удалось дать последовательного и объективного анализа ни позиции "Русского слова" вообще, ни взглядов Писарева в особенности. Наиболее сильной стороной полемических статей Антоновича была критика взглядов Зайцева, его грубых ошибок в области философии и политики. Что же касается "теории реализма", то Антонович не понял ее противоречивого характера, не увидел во взглядах Писарева революционно-демократической направленности, отнесся к его творчеству в целом отрицательно и односторонне. Обвинения Антоновича часто превращались в "грызню", но выражению Г. З. Елисеева, с "Русским словом", переходили не раз в мелочные придиরки.

Позиция, занятая самим Антоновичем, давала основания Писареву для встречных обвинений в отходе Антоновича от линии Чернышевского. Антонович, например, в своей статье "Современная эстетическая теория", истолковывая взгляды Чернышевского на эстетику, допускал такие неопределенные формулировки, которые позволили Писареву бросить ему упрек в уступках идеалистической теории искусства. Антонович особенно упорно защищал свое отрицательное отношение к "Отцам и детям" Тургенева, высказанное им еще в статье 1862 года "Асмодей нашего времени". Он обвинял Писарева в том, что последний не заметил антинигилистической направленности романа Тургенева. Но сам он не оценил сильных сторон романа и не понял основного смысла трактовки образа Базарова в статье Писарева; не оценил он и революционно-демократической направленности характеристики у Писарева образа Рахметова.

В статье "Посмотрим!" Писарев не без основания критиковал Антоновича за либеральный подход к острым социальным вопросам. Вместе с тем он показал, насколько несправедливы были брошенные ему Антоновичем обвинения в отступлении от революционно-демократической программы.

Полемика между "Современником" и "Русским словом", обнажая тактические разногласия и отдельные ошибки обеих сторон, крайне обострила отношения между двумя журналами. Не всегда она велась на принципиальной высоте. Однако полемические статьи Писарева, особенно статья "Посмотрим!", затрагивают очень важные вопросы общественно-политического характера, содержат существенные черты для характеристики мировоззрения Писарева, его общественно-политических, философских и эстетических взглядов.

Полемика между "Современником" и "Русским словом" не нашла своего разрешения. В 1866 году оба журнала были закрыты. Изменившаяся политическая обстановка настоятельно требовала сплочения демократических сил. Это приводит к сближению Писарева с лучшими представителями того круга писателей, с которыми он еще недавно полемизировал.

IV

В ноябре 1866 года Писарев был освобожден из заключения. Но и по выходе из крепости положение его оставалось тяжелым. Над ним был установлен негласный надзор. После выстрела Каракозова в апреле 1866 года на демократическую интеллигенцию обрушились жестокие репрессии. Начались новые аресты. "Современник" и "Русское слово" были закрыты.

В этих условиях Писарев должен был искать пути для возобновления литературной деятельности. Тяжелая общая политическая обстановка, последствия длительного одиночного заключения, отразившиеся на его нервной системе, личные переживания, связанные с неудачной любовью к М. А. Маркович, вызвали временное падение писательской активности Писарева. В течение 1866-1867 годов он писал сравнительно немного.

Положение осложнилось тем, что в это время Писарев разошелся с бывшим редактором "Русского слова" Благосветловым. Нужно было искать новых товарищей по работе.

Важнейшим событием в жизни Писарева в это время явилось его сближение с Некрасовым. Летом 1867 года начались переговоры Некрасова с Писаревым

д.и. Писарев. ю. Сорокин filosoff.org

относительно сотрудничества Писарева в издании, которое собирался осуществить Некрасов. Переговоры привели к постоянному сотрудничеству Писарева с начала 1868 года в журнале "Отечественные записки", который в это время перешел в руки Некрасова и Салтыкова-Щедрина и стал органом революционно-демократического направления. Последние полгода жизни критика и связаны с его работой в этом журнале.

Сближение Писарева с Некрасовым и Салтыковым-Щедриным является во многих отношениях знаменательным. Сам факт обращения Некрасова к Писареву с предложением о сотрудничестве свидетельствует о том, как высоко ценил Некрасов, известный своим умением выбирать людей, талант Писарева как критика. Писареву поручалось ведение в обновленных "Отечественных записках" критического отдела. Несмотря на все прошлые споры и разногласия, Некрасов и Салтыков-Щедрин видели в Писареве человека своего направления, которому можно смело поручить ведущую роль в одном из наиболее важных отделов журнала. Характерно, что ни Антонович, ни Жуковский не были привлечены к сотрудничеству в "Отечественных записках", - Некрасов и Салтыков-Щедрин разошлись с ними. Некрасов и Салтыков-Щедрин далеко не во всем одобряли линию Антоновича и Жуковского, занятую ими в полемике 1864-1865 годов. Салтыков-Щедрин, по сохранившимся свидетельствам, был против элементов "грызни", присущих полемическим выступлениям Антоновича.

Сближение Писарева с Салтыковым и Некрасовым - свидетельство также и известных новых признаков в духовном развитии Писарева. Как и другие выдающиеся революционные демократы, он ясно сознавал необходимость устранения старых разногласий. Но дело также в том, что в произведениях Писарева 1866-1868 годов уже нет тех специфических увлечений, которые так сильно проявились в его "теории реализма". В них нет характерных рассуждений о соотношении "механического" и "химического" путей развития и о предпочтении в данных условиях именно "химического" пути, пропаганда естественно-научных знаний уже не выдвигается на первый план в качестве важнейшей и решающей задачи дня. Вопрос о значении революционных переворотов в истории общества, о роли народных масс в истории занимает в них центральное положение.

Глубоко симптоматичной в этом смысле была статья "Генрих Гейне", написанная в 1867 году. Писарев и раньше неоднократно обращался к оценке и анализу творчества Гейне, с глубоким сочувствием относился к его творчеству. Ему были близки и дороги демократические тенденции в поэзии Гейне, его сарказмы, обращенные против европейской реакции, против либерализма и трусливого мещанства. Но в этой статье Писарев специально останавливается на противоречиях в мировоззрении и творчестве Гейне.

Выработку цельного и последовательного мировоззрения путем самостоятельной работы мысли выдвигает Писарев в начале статьи как важнейшую задачу молодого поколения. Над решением вопроса: "как жить?" "каждый здоровый человек, - пишет он, - должен трудиться сам, точно так, как женщина должна непременно сама выстрадать рождение своих детей". "Готовых убеждений, - говорится далее, - нельзя ни просить у добрых знакомых, ни купить в книжной лавке. Их надо выработать процессом собственного мышления, которое непременно должно совершаться самостоятельно, в вашей собственной голове". Это невозможно без постоянного поступления новых материалов, которые получаются и из непосредственных наблюдений над жизнью, и из общения с людьми, и от чтения многих книг. Именно в связи с этим встает важнейшая задача критики, внимательного анализа таких материалов. Применительно к литературе и вообще к мнениям и выводам других людей - мыслителей, ученых и поэтов - эта задача определяется как критическое освоение лучшего наследия прошлого. С ростом и развитием самостоятельного мировоззрения, замечает Писарев, уже невозможно ограничиваться простыми приговорами, безусловно отрицающими и столь же безусловно принимающими то или иное явление. Главное состоит в том, чтобы из опыта прошлого, из литературного наследия суметь отобрать и переработать то, что остается в нем наиболее важного и ценного. "Так как критика, - говорит Писарев, - должна состоять именно в том, чтобы в каждом отдельном явлении отличать полезные и вредные стороны, то понятно, что ограничиваться цельными приговорами значит уничтожать критику или по крайней мере превращать ее в бесплодное наклеивание таких ярлыков, которые никогда не могут исчерпать значение рассматриваемых предметов". Эти глубокие мысли Писарева об отношении к культурному наследию и общих задачах критики сохраняют свое живое значение.

Именно с этой точки зрения подходит он и к оценке Гейне. В ходе
Страница 34

критического анализа он вскрывает противоречия в мировоззрении Гейне, сложное внутреннее содержание его творчества, выделяя в нем важнейшие прогрессивные стороны и подвергая критике то, что связывало Гейне с прошлым и тянуло его назад. Писарев с любовью говорит о неотразимом влиянии поэзия Гейне, но прямо предостерегает своих читателей "от умственного раболепства перед Гейне", от обожания "тех недостатков и пятен, которые наложены ка поэзию Гейне обстоятельствами времени и места". Такими "пятнами" он считает во взглядах Гейне проявление известного недоверия к демократии, "эстетическую точку зрения" на революцию, связанную с "политическим дилетантизмом", - отголоски теории чистого искусства в его творчестве, культ личности Наполеона I, отразившийся в "Книге Le Grand", и т. д. Ирония Гейне расценивается Писаревым как сложное и противоречивое, двойственное мировосприятие, как отражение колебаний между старым и новым.

Противоречия и колебания Гейне, особенно проявившиеся в творчестве 1820-1830-х годов, рассматриваются в статье не только как проявление личной слабости Гейне, а прежде всего как отражение, противоречий его эпохи, как "настоящее роковое несчастье", тяжелая духовная драма, вызванная к жизни переломным характером времени после Венского конгресса, когда мучительно, преодолевая преграды, вызревало демократическое движение в борьбе с силами феодальной реакции, когда вместе с тем намечался кризис буржуазной демократии.

Важнейшее общественно-политическое значение этой статьи Писарева состоит в том, что центральным вопросом является здесь вопрос об отношении к народному движению, к революции. Писарев смотрит на революцию так же, как на справедливую оборонительную войну народа против иноземных захватчиков. Он глубоко понимает историческую необходимость социальных переворотов. "Если война или переворот вызваны настоятельно необходимостью, - говорит он, - то вред, наносимый ими, ничтожен в сравнении с тем вредом, от которого они спасают... Тот народ, который готов переносить всевозможные унижения и терять все свои человеческие права, лишь бы только не браться за оружие и не рисковать жизнью, - находится при последнем издохании". "Титанами любви" называет здесь Писарев тех людей, которые "живут и действуют в самом бешеном водовороте человеческих страстей", "стоят во главе всех великих народных движений".

Вопрос об отношении к революции ведет за собою вопрос об отношении к либерализму. В статье о Гейне дана едва ли не наиболее беспощадная характеристика либерализма как антнародного направления, стремящегося путем мелочных поправок и уступок увековечить господство буржуазии и эксплуатации трудящихся масс. "Рыхлой и бессвязной политической партией" именует Писарев либералов, показывая, как эволюция этой партии, связанная с торжеством капиталистических отношений, ведет к ее вырождению, к объединению в ней "легиона пройдох и торгаши, осененных знаменем великих принципов", то есть эксплуатирующих в свою пользу лозунг буржуазной революции - "свобода, равенство, братство".

Статья о Гейне наиболее сильно, ярко и последовательно выражает революционно-демократические взгляды Писарева. Симптоматично, что она явилась в дни нового наступления реакции, когда все очевиднее становилось, что силе нужно противопоставить силу, что без решительных революционных действий невозможно изменение существующих отношений.

Известным образом тематически связана со статьей "Генрих Гейне" другая статья, относящаяся также к 1867 году. Это - "Борьба за жизнь", где дан разбор романа Достоевского "Преступление и наказание". И сам Достоевский и реакционная критика пытались выдать Раскольникова за представителя молодого поколения, за "нигилиста", а его преступление представить как порождение революционных идей. Обращаясь к анализу этого образа, Писарев показывает, что мысли Раскольникова об идентичности "преступника" и "необыкновенного человека" могли иметь только реакционный смысл, что они являются патологическим результатом развития в Раскольникове крайнего индивидуализма, его обособления от общества.

И в этой статье Писарев указывает на историческую необходимость революционных переворотов. Он решительно выступает против реакционных пополновений осудить революцию как "бессмысленное и жестокое кровопролитие". "Что кровопролитие бывает иногда неизбежно и ведет за собою самые благодетельные последствия, это известно, - пишет он, - вся кому человеку, умеющему понимать причинную связь исторических событий".

Реакционной попытке отождествить вопрос о преступлении и революционном насилии Писарев противопоставляет исторически конкретный, демократический подход к вопросу о праве народа на революционное выступление.

Таковы две важнейших статьи, написанные Писаревым еще до начала сотрудничества в "Отечественных записках". Круг статей, которые Писарев успел опубликовать в этом журнале за полгода своей работы, относительно невелик. Не все из опубликованных здесь статей выдерживают сравнение по талантливости с произведениями предшествующего времени. Деятельность Писарева в новом журнале не могла развернуться сразу с той широтой и силой, на которую он был способен. Отношения Писарева с новыми товарищами по работе еще только налаживались. Но и среди немногих критических статей, напечатанных в "Отечественных записках", мы находим произведения, поражающие силой и глубиной мысли. К таким выдающимся произведениям относится небольшая статья "Французский крестьянин в 1789 году".

Воспользовавшись материалами исторического романа Эркмана-Шатриана, Писарев вновь вернулся к теме французской буржуазной революции конца XVIII века. Но теперь он сосредоточил свое внимание не на анализе общих экономических и политических предпосылок революции, как в "Исторических эскизах", а на процессе идейного созревания тех сил, которые приняли участие в революции. Обратившись к образам романа, он показал роль различных общественных групп в подготовке революции, значение революционного сознания в развитии народного движения против господствующего строя. На первый план при этом выступает образ Матюрема Шовеля. Именно людей этого типа рассматривает Писарев как важнейших деятелей в эпоху широкого народного движения. Матюремы Шовели - люди, которые тесно связаны с народом, испытывали на самих себе нелепости и жестокости "старого порядка" и ценой тяжелых испытаний, путем мучительной работы сознания воспитали в себе непримиримость к старому порядку вещей, глубокое понимание коренных интересов народа, знание слабых сторон существующего строя, ненависть к врагам народа. Во французской буржуазной революции конца XVIII века Писарев видит прежде всего высокий подъем демократического движения. Анализируя образ другого героя романа, представителя низших слоев буржуазии, Жана Леру, он отмечает, что поддержка с их стороны революционных стремлений народа была ограниченной, что они не могли предвидеть и не желали признать всех необходимых последствий размаха народного движения. Писарев не только глубоко симпатизирует народному движению, но и связывает с ним представление о действительном историческом прогрессе. "В цивилизованной Европе, - заявляет он, - трудно найти хоть один уголок, в котором самосознание масс не обнаруживало бы хоть мимолетными проблесками самого серьезного и неизгладимо-благодетельного влияния на общее течение исторических событий". Глубокой убежденностью в правоте народного дела, глубокой верой в него проникнуты эти строки Писарева, посвященные роли народа в революционном обновлении общества.

Другой выдающейся работой Писарева в это время явилась статья "Старое барство". Писарев, всегда высоко ценивший творчество Толстого, обратился в ней к анализу "Войны и мира". Он предполагал дать подробный анализ всех основных образов романа в нескольких статьях, но успел написать только одну, посвященную Николеньке Ростову и Борису Дубецкому. Трудно судить, какова была бы общая оценка романа. Но и в первой статье Писарев обнаружил тонкое понимание характеров толстовских героев. Как во всех его критических статьях, он прежде всего стремится дать объективный анализ литературных типов и привести их в прямую связь с теми обстоятельствами, которые вызвали их к жизни. "Старое барство" - это глубоко оправданное название статьи. Стремление понять и истолковать характер Ростова и характер Дубецкого со всеми их индивидуальными изгибами как закономерное порождение определенной эпохи и определенной социальной среды - главное в подходе к ним Писарева.

В последние месяцы своей жизни Писарев опять вернулся к теме, которая особенно занимала его в первые годы сотрудничества в "Русском слове". Это тема личности и среды, гибельного, разрушающего влияния, которое оказывает собственническая, мещанская среда на воспитание личности. Эта тема объединяет две статьи, посвященные теперь уже забытым литературным произведениям, - статьи "Романы Андре Лео" и "Образованная толпа" (о повестях Ф. М. Толстого). Одна особенность отчетливо выступает в них при сопоставлении со статьями 1861 года. Теперь Писарев сосредоточивает свое внимание не только на пагубном воздействии этой среды на отдельные личности, но и на анализе тех то робких и несмелых, то страстных и порывисто-сильных проявлений протesta, которые зреют и вспыхивают в этих личностях.

Незадолго до смерти Писарев вновь обратился и к жанру исторических очерков. В "Отечественных записках" им была начата большая серия "Очерков из истории европейских народов". По своему замыслу это была бы, без сомнения, крупнейшая историческая работа Писарева. То, что Писарев успел закончить, обнимает картину исторического развития Италии со времени падения Римской империи до напряженных эпизодов борьбы итальянских республик-городов с германскими императорами, местными феодалами и папством. Писарев сумел связать изложение специальной исторической темы, далекой от современности, с постановкой общих, коренных вопросов социальной жизни. Характерно его стремление вскрыть остроту социальных конфликтов, показать, как в борьбе различных общественных сил необходимо складываются такие политические и социальные результаты, которых не могла предвидеть и желать ни одна из непосредственно борющихся сторон. Так в ходе идейного развития Писарева все большую силу получало стремление его понять объективные закономерности исторического процесса, независимые от воли отдельных людей и целых общественных групп и направлений. Писарев, например, показывает в этих "Очерках", как обращение городских республик в их борьбе с феодалами к помощи кондотьеров, военных предводителей из среды тех же феодалов, неизбежно подготавливало почву для установления тирании в городах, вело к упадку их самоуправления. Глубоко симптоматичным является и в этой работе внимание к народным движениям. Подробно описывая, например, борьбу ломбардских городов с войсками Фридриха Барбароссы, Писарев замечает под конец: "Потому я и представил читателям довольно подробный отчет об осадах и сражениях, что во всех этих операциях проявлялись во время ломбардской войны не сухие выкладки полководцев, а живые порывы великих и вечно юных, вечно современных народных чувств". Характеризуя победу миланцев над сильной императорской армией под Линьяно, Писарев решающее место отводит силе патриотизма миланских горожан и Тому, что "их патриотическое чувство нашло себе отголосок в груди всех ломбардов, поднявших оружие за свою потерянную свободу". {Д. И. Писарев, Сочинения, изд. 5, т. VI, СПб. 1913, стр. 180.}

"Очерки из истории европейских народов" были последней работой Писарева, опубликованной в "Отечественных записках".

4 июня 1868 года его жизнь трагически оборвалась. Он утонул во время морского купания под Ригой. Похороны Писарева показали, какое влияние имела его деятельность на демократических читателей. За гробом его шло, по описанию свидетеля, огромное число его друзей и почитателей.

Герцен в "Колоколе" с глубокой скорбью отзывался на смерть Писарева. "Еще одно несчастье, - писал он, - постигло нашу маленькую фалангу. Скрылась яркая звезда, которая много обещала, унося едва сложившиеся таланты, прекратив едва выдвинувшуюся литературную деятельность. Писарев язвительный критик, иногда преувеличивавший, но всегда полный вдохновения, благородства и энергии, утонул во время купания". {А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, т. XXI, М.-П. 1923, стр. 88.}

В этой характеристике Герцена, краткой, но выразительной, подчеркнуто главное: непрекращающийся идейный рост критика. Захваченный потоком революционного движения 1860-х годов в период его наивысшего подъема, Писарев затем, в трудных условиях наступления реакции, мучительно осмысливая предшествующие неудачи, стремится создать цельное мировоззрение. Нередко впадая в противоречия, он напряженно и страстно ищет новых путей, которые могли бы привести к новому подъему демократического движения, к радикальному изменению условий жизни народа. Логика этих исканий вела Писарева от колебаний в выборе "механического" или "химического" пути развития общества к признанию решающей роли революционного изменения социального строя, от тяжелых сомнений относительно готовности масс к сознательному революционному действию, - к вере в неограниченные силы народа. Важнейшее значение получил для него вопрос о внесении революционного сознания в массы народа, о соединении "труда" и "знания". Вот почему деятельность Писарева, при всех характерных для него ошибках и противоречиях, оставила яркий след в истории русской общественной мысли. Убежденный демократ, полный творческой энергии, благородный борец за дело прогресса и демократии, за процветание своей родины, оригинальный мыслитель-материалист, талантливый критик - таким был и остался Писарев в сознании последующих поколений.

Много характерного своеобразия в подходе Писарева как критика к явлениям литературы, в его собственном стиле публициста. "дело критика, говорит Писарев в статье "Московские мыслители", - состоит именно в том, чтобы рассмотреть и разобрать отношения художника к изображаемому предмету; критик должен рассмотреть этот предмет очень внимательно, обдумать и разрешить по-своему те вопросы, на которые наводит этот предмет, вопросы, которые едва затронул и, может быть, даже едва заметил сам художник. Художнику представляется единичный случай, яркий образ; критику должна представляться связь между этим единичным случаем и общими свойствами и чертами жизни; критик должен понять смысл этого случая, объяснить его причины, узаконить его существование, показать его "*raison d'etre*". И сам Писарев поступал сообразно с этими требованиями. Нередко оставляя в стороне оценку субъективных намерений писателя, отстраняя то, что мешало писателю до конца правильно понять изображаемые им явления, Писарев сосредоточивает внимание на анализе самих материалов произведения, тех явлений жизни, которые воспроизводит художник. Нередко по отдельным намекам, штрихам он воссоздает характерные черты целого явления жизни, показывает логическое развитие данного типа, место его в определенной исторической обстановке. Писарев иногда вступает даже в своего рода соревнование с автором произведения, создавая своеобразную и яркую интерпретацию литературного образа. Очень показательна в этом смысле статья "Реалисты". Писарев избрал для характеристики нового типа образ Базарова. Характеристика и анализ этого образа, его отношений к окружающим лицам, его поведения в определенных ситуациях служат для Писарева отправным пунктом для развернутого изложения собственных взглядов на задачи молодого поколения. В ходе этого анализа Писарев обнаруживает чуткое понимание объективного смысла созданного Тургеневым образа. Но нередко при этом он как бы полемизирует с художником, подчеркивает возможность иной трактовки отдельных особенностей этого типа, чем та, которая выступает у Тургенева, как бы очищает образ Базарова от тех наносных, случайных черт, которые могут дать искаженное представление о значении целого типа. Писарев во многом создал своего Базарова.

Эта способность критика выводить все логически необходимые следствия из материалов художественного произведения, непосредственно соотнося его образы с определенным кругом явлений самой жизни, бросается в глаза и в статье "Подрастающая гуманность". "Трудное время" Слепцова давало в высшей степени благодарные материалы и для характеристики "нового человека" - Рязанова и для характеристики типа ограниченного либерала - Щетинина. Однако Писарев не ограничивается только разбором отдельных сцен повести. Замечателен заключительный эпизод этой статьи, где Писарев с подлинно художественным тактом добавляет новую сцену - характерный разговор между критиком-демократом и молодым Щетининым, только что окончившим университет и переполненным благими либеральными намерениями. Заключая анализ образа Щетинина таким воссозданием его "предистории", опущенной в самой повести Слепцова, Писарев до конца обнажает тщетность и беспочвенность либеральных иллюзий молодого "хозяина", их ограниченный классовый смысл.

В литературно-критических статьях Писарева и в его исторических очерках ярко проявилось присущее ему мастерство психологического анализа, умение по отдельным деталям и эпизодам, в ходе анализа отдельных поступков и действий литературного персонажа или исторического деятеля дать его законченный портрет, показать типический характер, связь данного типа с определенной социальной средой. Писарев обладал способностью глубоко раскрывать социальную значимость известных литературных образов. Нередко эти образы превращаются у него в многозначительные символы, с помощью которых обнажается истинная сущность определенного общественного класса или направления.

Такими символическими образами явились для него, например, Чичиков и Коробочка, Молчалив и Фамусов. В этом смысле есть нечто, сближающее манеру Писарева с сатирическим стилем Щедрина. В небольшой статье "Наши усыпители" Писарев дал очень лаконичную, но удивительно меткую сатирическую характеристику политической реакции 1860-х годов. Вся она построена на остроумном перенесении старых "героев" - Чичикова, Молчалива и Коробочки - в новую, более широкую сферу политических отношений. "Внимательный наблюдатель может и должен узнавать своих старых знакомых, - говорится там, - несмотря на их новые костюмы, манеры и разговоры. Чичиковым бывает часто такой человек, который не только не торгует мертвыми душами, но даже не позволяет себе ни одной сколько-нибудь двусмысленной спекуляции. Молчалия

Д.И. Писарев. Ю. Сорокин filosoff.org
остается Молчаливым даже тогда, когда он с почтительной твердостью
представляет своему начальнику основательные возражения". Чичиков, Молчалин
и Коробочка рассматриваются здесь как характерные "ингредиенты", из которых
реакционная литература 1860-х годов стремилась построить своего "героя". В
Аскоченских, Катковых, Клюшниковых и других "столпах" и защитниках реакции
обнаруживаются тупоумие Коробочки, "умеренность и аккуратность" Молчалива и
обывательское "благообразие" Чичикова.

Сатирическое начало рельефно представлено в произведениях Писарева. Он
использует разнообразные художественные средства, от острой и злой насмешки
до резкого гротеска, в своей борьбе с реакционерами и либералами. Совсем
по-щедрински звучит, например, гротескное сопоставление игриво-либеральных
"начинаний" помещика Щетинина со скачками и пиретами оседланной коровы (в
статье "Подрастающая гуманность").

Превосходный полемист, Писарев всегда умел схватить слабые, уязвимые
стороны в мнениях своего противника и использовать это для опровержения его
взглядов. С особенным блеском развернулся полемический талант Писарева в
борьбе с реакционными журналами и антиигилистической беллетристикой.
Спокойно и рассчитанно, зло и вместе с тем задорно и весело наносил он свои
меткие удары по ним в таких статьях, как "Московские мыслители", "Прогулка
по садам Российской словесности", "Сердитое бессилие".

Писарев был блестящим и тонким мастером слова. Он придавал самое серьезное
значение форме литературного изложения. Презирая всяческие внешние
стилистические украшения, он вел решительную борьбу с ложной "красивостью"
слова, со звонкой, но пустой фразой.

Излагая свои взгляды на жизнь, или передавая в своих статьях важнейшие
выводы современной ему науки, Писарев стремился прежде всего возбудить, как
он говорил, самостоятельный процесс мысли в голове своего читателя,
обратить его внимание к фактам живой действительности. Одна из важных задач
мыслящего реалиста, образно говорил он в статье "Мотивы русской драмы",
состоит в том, чтобы "открыть живое явление из-под груды набросанных слов,
которые на языке каждого отдельного человека имеют свой собственный смысл".
Отсюда постоянная борьба Писарева с "лексиконом мудреных слов" и
"сборниками готовых изречений", с помощью которых разные реакционеры,
философы-идеалисты, представители либеральной публицистики пытались выдать
за действительное "произведения праздной фантазии". В своих статьях Писарев
уделял большое внимание анализу отдельных слов и терминов, выражавших
важнейшие научные и общественно-политические понятия. В ходе такого анализа
он стремится очистить эти слова от тех случайных и нередко неправильных
осмыслений и истолкований, которые наслонились на них в процессе их
употребления.

Отсюда же - и столь характерная для критики Писарева борьба с фразерством,
со всякими попытками подменить внимательный анализ явлений жизни
бессодержательными рассуждениями "хвалительного или порицательного
свойства". "Фразы могут надолго задержать и изуродовать наше развитие,
писал по этому поводу критик в уже цитированной статье "Мотивы русской
драмы". - Стало быть, если наша молодежь сумеет вооружиться непримиримою
ненавистью против всякой фразы, кем бы она ни была произнесена, Шатобрианом
или Прудоном, если она выучится отыскивать везде живое явление, а не ложное
отражение этого явления в чужом сознании, то мы будем иметь полное
основание рассчитывать на довольно нормальное и быстрое улучшение наших
мозгов".

В прямую и тесную связь ставил Писарев мысль и слово. Чем глубже и истиннее
мысль, чем определеннее и отчетливее схватывает она существенные признаки
явлений действительности, тем естественнее и легче находятся ясные, простые
и точные слова для ее выражения. И напротив, "чем мельче становятся мысли и
чувств, тем вычурнее и красивее подбираются для них названия, потому что
навык с каждым днем усиливается в этом ремесле, как и во всех остальных"
("Реалисты").

Немало метких и злых слов было сказано Писаревым по адресу "цеховых
ученых", тех специалистов, которые, замкнувшись в узко-академической сфере,
проявляли пренебрежение к делу распространения и закрепления в обществе
достижений и выводов науки. Он высмеивает "птичий язык" таких
"специалистов". Вот что, например, говорится в конце его большой работы
"Прогресс в мире животных и растений" о подобном "ученом слоге":

"Подумаешь, что специалист живет где-нибудь на звезде Ориона и оттуда ведет свою речь в пространство эфира, вовсе не заботясь о том, услышит ли его кто-нибудь или поймет ли его тот несчастный слушатель, до которого случайно долетят эти блуждающие звуки. По моему мнению, полезнее прочитать статью вполне понятную, хотя и с некоторыми ошибками, чем набивать себе голову совершенно безукоризненными диссертациями, недоступными человеческому пониманию". {Д. И. Писарев, Сочинения, изд. 5, спб. 1912, стр. 492.}

Выдающиеся представители революционно-демократической мысли 1860-х годов много сделали для дальнейшего развития и совершенствования русской литературной речи. Они создали и замечательные образцы научно-популярного изложения. В "Опыте бесед с молодыми людьми", представлявшим яркую попытку изложить в самой доступной и живой форме основы материалистического мировоззрения, Герцен, между прочим, писал: "Вероятно, каждому молодому человеку, сколько-нибудь привычному к размышлению, приходило в голову: отчего в природе все так весело, ярко и живо, а в книге то же самое скучно, трудно, бледно и мертвое? Неужели это - свойство речи человеческой? Я не думаю. Мне кажется, что это - вина неясного понимания и дурного изложения". {А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, т. IX, П. 1919, стр. 157.} и Герцен и Чернышевский, развивая и пропагандируя идеи материализма, умели довести эти идеи в самой доступной и вместе с тем живой и яркой форме до сознания читателя. Восприняв их достижения, Писарев явился одним из самых талантливых популяризаторов, превосходным и тонким мастером научно-популярного изложения.

Он высоко ценил не только точность и определенность языкового выражения мысли, но и пластическую легкость, ясную простоту и художественную рельефность изложения. Это и понятно, если учесть, какие поистине огромные задачиставил Писарев в отношении популяризации, распространения в обществе передовых взглядов. Писарев много внимания уделил характеристике того, каким должен быть истинно популярный слог изложения. "Популяризатор, - писал он в статье "Реалисты", - непременно должен быть художником слова". Все выразительные средства языка, все характерные обороты народной речи, все красноречие должно быть пущено в ход, все должно быть подчинено одной задаче возможно более прямого проведения мысли, возможно более полного усвоения ее широким кругом читателей, возможно более прочного закрепления ее в сознании людей. От мастерства популяризатора зависит в значительной степени успех распространения идеи в массах. В неопубликованной рецензии его на книжку "Намеки природы", относящейся к 1861-1862 годам, говорится: "Книги для народа составляют насущную потребность, а в этих необходимых книгах ясное, привлекательное и легкое изложение составляет необходимое условие". {Рукоп. отдел ИРЛИ. Фонд Д. И. Писарева, 9561/LVI, б. 74, л. 1.}

Как публицист-демократ, Писарев особенно дорожил тесным общением с широким кругом читателей, особенно с демократической молодежью. Здесь, в процессе этого прямого общения с другом-читателем, допустима и шутка, и во-время найденное меткое словцо, и вдохновенная импровизация, и временное отступление в сторону от основной темы, если без этого дальнейшее изложение будет затруднительно для читателя. Научно-популярные статьи Писарева до сих пор остаются замечательными образцами глубоко научного и вместе с тем в высшей степени доходчивого, ясного и красочного изложения.

Язык Писарева поражает нас своим богатством, разнообразием, гибкостью. Широко и свободно черпал он выразительные средства из различных слоев словарного состава русского литературного и народно-разговорного языка. Слова и выражения книжные и просторечные, известные литературные цитаты и афоризмы и меткие народные пословицы и поговорки, приемы торжественно-патетической и эмоционально-взволнованной речи и характерные обороты речи обиходно-грубоватой и фамильярно-непринужденной свободно объединяются в языке его статей. Точность и лаконизм, законченность и строгая логическая расчлененность фразы, периода сочетаются с изяществом в их отделке, с легкостью их ритмического течения. Писарев всегда умел выбрать выразительный и меткий эпитет, подкрепить свою мысль картиным сравнением, взятым нередко из области особенно близких и знакомых читателю явлений. Перед нами всегда является умный и острый собеседник, обращающийся к своему читателю то запросто, то лирически-задушевно, то вдохновенно. Речь Писарева часто принимает характер блестящей импровизации. Вслед за сжатым и точным формулированием основной мысли следует ее выпуклое образное раскрытие, сарказмы и непредвиденные выпады в адрес врагов чередуются с самыми искренними признаниями, обращенными к читателю-другу, острые иронии сменяются патетическим призывом к молодому поколению.

Вы часто при этом чувствуете превосходство этого одаренного и образованного собеседника, восхищаетесь прямотою и решительностью его выводов, смелостью его мысли, иногда становитесь в тупик от его парадоксов и явных преувеличений. Но никогда читатель не останется равнодушным к его словам и мнениям. Вы никогда не заметите в этом собеседнике и оригинальном мыслителе позы высокомерного учителя, профессионального "мудреца". Везде перед вами живой, страстный и глубоко убежденный человек, честно ищащий ответа на самые сложные и запутанные вопросы. Он горячо стремился к тому, чтобы не только провести определенный круг идей в сознание своих читателей, но и возбудить деятельность их собственной мысли. Этот образ молодого критика, кристально честного, непримиримого врага всякой реакции, косности и застоя, талантливого пропагандиста научных знаний и смелого мыслителя, сохранит в своем сознании и советский читатель.

Произведения Писарева составляют необходимую часть того замечательного культурного наследия прошлого, которое хранят и критически осваивают советские люди - строители коммунистического общества.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!